

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

**Svazek 1
3. vydání
2014**

•

**EUROPEAN POLITICAL
AND LAW DISCOURSE**

**Volume 1
Issue 3
2014**

Editorial Policy

The European Political and Law Discourse – international Journal of International Law, domestic Law of European countries, Political Science, International Relations is a peer reviewed journal with blind referee system, which aims at publishing high quality articles that may bring innovative and significant theoretical, conceptual, methodological and empirical contributions to the fields.

The European Political and Law Discourse has a particular interest in interdisciplinary approaches to law and political spaces, whether through comparative or single case-study analysis, but by no means restricts its interests to these spaces, welcoming any relevant contribution from and about different parts of the World.

The European Political and Law Discourse accepts original articles which are not under consideration elsewhere at the time of submission.

Editorial Committee:

Oleksandr Merezhko, PhD, Doctor of Law, Professor, Andrzej Frycz Modrzewski Cracow Academy

Bertrand Mathieu, Doctor of Law, Professor at the Université Panthéon, Sorbonne, Paris I, President of the French Association of Constitutional Law, member of the High Council for the Judiciary of France

Volodimir Kuzmenko, PhD, Doctor of Law, Professor, National University of State Tax Service

Olena Grynenko, PhD, Doctor of Law, Institute of International Relations, Kyiv National Taras Shevchenko University

Borys Babin, PhD, Doctor of Law, Odessa National Maritime Academy

Pavol Hrivík, PhD in European and Global Studies, Alexander Dubcek Trencin University

Galina Kuz, PhD, Doctor of Political Science, Professor, H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University

Mykola Lazarovych, PhD, Doctor of Political Science, Ternopil National Economic University

Tatyana Nagornyak, PhD, Doctor of Political Science, Donetsk National University

Marina Nahum, PhD in Anthropology, London School of Economics

Nick Polyovyy, PhD, Doctor of Political Science, Professor, National University “Odessa Law Academy”

Evgen Tcokur, PhD, Doctor of Political Science, Professor, Zaporozhye National University

Administrative Editor

Iana Chernopyschuk, PhD in constitutional and municipal law, European Border Assistance Mission to Moldova and Ukraine

---

EVROPSKÝ POLITICKÝ A PRÁVNÍ DISKURZ

Vydavatel: Jižní Palmíra, družstvo

Adresa: Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,

okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Zapsáno do evidence: 27.11.2013

<http://www.mkcr.cz/scripts/modules/catalogue/detail.php?catalogueID=1&linkvalue=14409&lid=1>

Table of contents

Olexandr Zadorozhny, COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE CRIMEA AND KOSOVO CASES: INTERNATIONAL LAW ANALYSIS.....	4
Anatoliy Kormych, THE CIVIL SOCIETY: THE METHODOLOGICAL BASE OF LEGAL INTERPRETATIONS	18
Anna Sokolyuk, COMPULSORY PSYCHIATRIC CARE UNDER THE LAWS OF UKRAINE IN THE HIGHLIGHT OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS' PRACTICE	31
Iryna Telelim, LIBERAL MODEL OF ORGANIZATION OF ACTIVITY OF THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN SOCIETIES (ON THE EXAMPLE OF USA AND GREAT BRITAIN)	38
Anna Kravets, MODERN POLITICAL PROCESS: PREVAILING OF HORIZONTAL NETWORK FORM OF RELATION'S ORGANIZATION	50
Yuriy Maslov, HISTORICAL BACKGROUND OF TRANSFORMATION CENTRAL AND EASTERN EUROPEAN REGION IN A SPECIAL GEOPOLITICAL SUBJECTIVITY	59
Bohdan Timots, FEATURES OF INSTITUTIONALIZATION AND MECHANISMS OF PERMISSION OF POLITICAL CONFLICTS IN THE CONDITIONS OF DEMOCRATIC TRANSFORMATIONS TO POSTCOMMUNISM SOCIETIES.....	68
Viktoria Blintsova, SOCIAL AND POLITICAL COMPONENTS OF E-DEMOCRACY OF THE INFORMATION AGE.....	77
Tatyana Konstantinova, FACTORS OF POLITICAL CHOICE IN CONDITIONS OF PLURALISM	87
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS	97
REQUIREMENTS TO MANUSCRIPTS (in russian).....	102

Olexandr Zadorozhny, prof., Ph.D. in International Law

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE CRIMEA AND KOSOVO CASES: INTERNATIONAL LAW ANALYSIS

The essay provides a comparative analysis of cases of secession of Kosovo (2008) and Crimea (2014) in terms of international law. The similarities and differences of these processes were analyzed; conclusions pertaining to their compliance with current international law were made. The essay deals with the question of the precedent character of Kosovo case and Ukraine's position thereto.

In February and March 2014 the Russian Federation carried out a special operation with a view to the annexation of the Crimea. The mechanism of the puppet government was used to do that. When a change in Kyiv authorities was taking place (the third decade of February), in Simferopol the Crimean politicians S. Aksyonov, V. Konstantynov, A. Chalyi seized power with the help of the Russian troops.

Though there were no “anti-Crimean” actions by the Ukrainian government, The Supreme Council of Crimea at its session held on 03.06.2014 voted in favour of joining of the region to Russia and addressed to the Russian President and the Parliament to initiate the procedure for granting the status of the federal subject to Crimea. In addition, the Crimean parliament decided to hold a referendum on 03.16.2014 as to the status of Crimea and approved the questions therefore:

“ – Do you support the reunification of Crimea with Russia with all the rights of the federal subject of the Russian Federation?

– Do you support the restoration of the Constitution of the Republic of Crimea of 1992 and the status of the Crimea as part of Ukraine?”

Thus, the available choices did not include maintaining the status quo of Crimea, so the rights of the part of the population of the ARC, which supported this point of view, were ignored. The procedure of the referendum was also controversial. Paragraph 3 of the abovementioned decision stipulated that question that gets the majority of votes shall be deemed to be expressing the opinion of the Crimean population. Thus, notwithstanding the number of people who take part in the referendum, it can have a number of consequences. This approach does not comply with the fundamental principles of referendums.

A similar decision about becoming a part of the Russian Federation as a federal subject was taken by Sevastopol City Council. The latter

also decided to participate in the Crimean referendum on March 16. One more question added to those of the Crimean referendum was as follows:

“Shall the city of Sevastopol join the Russian Federation as a subject of the Russian Federation?”

The Declaration of independence of the Republic of Crimea was adopted on March 11, 2014 as a joint resolution by the Supreme Council of Crimea and the Sevastopol City Council: 78 of 81 participants are said to have voted in favour of the document¹. It should be noted that the abovementioned decision on the referendum was not adopted without foreign influence. Although Russia consistently denied the presence of its troops in the Crimea, this fact was later recognized. In particular, President Putin said on April 17 that while Russian troops were in the peninsula pending the referendum, they “acted correctly” and “it was the only way to hold a referendum openly and with dignity.”

On March 16 the hastily organized “referendum” on the status of Crimea took place. Given the fact that the international community did not recognize the referendum, it was not attended by foreign observers. Self-proclaimed Crimean authorities said that 81.4% of the population, that had such a right, took part in the referendum. According to their own figures 96.77% of votes in the Crimea and 95.6% of votes in Sevastopol were given in favour of joining Russia². The Russian president and parliament decided to join the Crimean Peninsula to the Russian Federation³. Later the Russian President’s Human Rights Council published a report on its website, stating that in Crimea 50-60% voted for unification with Russia, with a turnout of 30-50%. Many people voted so not because they wanted to join Russia, but with a view to putting an end to the corruption and violence of the authorities from Donetsk⁴. According to a leader of the Crimean Tatar people M. Dzhemilev, the

¹ Парламент Криму ухвалив Декларацію про незалежність. *Сайт BBC Україна*. <http://www.bbc.co.uk/ukrainian/politics/2014/03/140311_crimea_rada_decisions_sx.shtml> (2014, June, 5).

² Явка в Севастополі на референдумі составила 89,5 %, в Автономной Республике Крым – 81,36%. *Крым-Информ*. <<http://www.c-inform.info/news/id/766>> (2014, June, 5).

³ UNSC Discusses Human Rights Violations And Freedom Of Press In Crimea. *Cihan News Agency*. <http://en.cihan.com.tr/news/UNSC-discusses-human-rights-violations-and-freedom-of-press-in-Crimea_0312-CHMTM5MDMxMi80;jsessionid=B5yрJUb1sKOYIQ082tqzVtQX> (2014, June, 5).

⁴ Совет по правам человека при Путине: явка и результаты референдума в Крыму сильно завышены. *Интернет-издание «Левый берег»*. <http://lb.ua/news/2014/05/01/265049_sovet_pravam_cheloveka_putine.html> (2014, June, 5).

actual turn-up was only 32.4%, not 82% of the inhabitants of the Crimea, as stated by the Russian authorities¹.

In March over 10 meetings of the Security Council of the United Nations pertaining to the Crimea were held. The UN Security Council failed to adopt any decision because of Russia's use of its veto. In particular, on March 15 Russia blocked the adoption of a draft resolution condemning scheduled for March 16 "referendum" in the Crimea on the separation from Ukraine. 13 from among 15 members of the Security Council voted in favour of the resolution (3 permanent members – United States, Britain and France, and all 10 non-permanent members – Argentina, Australia, Chad, Chile, Jordan, Lithuania, Luxembourg, Nigeria, Rwanda and South Korea), China abstained and Russia was the only one who voted against it. Therefore, the resolution was not adopted².

Instead, on March 27 at a special meeting of the 68th session by a recorded vote of 100 in favour to 11 against, with 58 abstentions, the Assembly adopted a resolution titled "Territorial integrity of Ukraine", calling on States, international organizations and specialized agencies not to recognize any change in the status of Crimea or the Black Sea port city of Sevastopol, and to refrain from actions or dealings that might be interpreted as such. The referendum and all further steps of the "government" of the Crimea and Russia were considered to have no legal effect³.

On March 12 leaders of the G7 (Canada, France, Germany, Italy, Japan, UK, USA), along with the President of the European Council and the President of the European Commission issued a statement in which they urged the Russian Federation to cease all efforts to change the status of Crimea contrary to Ukrainian legislation and international law⁴.

PACE Resolution 1988 (2014) "Recent developments in Ukraine: threats to the functioning of democratic institutions" was also very important. The Parliamentary Assembly strongly condemns the

---

¹ UNSC Discusses Human Rights Violations And Freedom Of Press In Crimea. *Cihan News Agency*. <http://en.cihan.com.tr/news/UNSC-discusses-human-rights-violations-and-freedom-of-press-in-Crimea_0312-CHMTM5MDMxMi80;jsessionid=B5ypJUb1sKOYIQ082tqzVtQX> (2014, June, 5).

² Росія наклала вето на резолюцію Ради безпеки ООН про засудження «референдуму» в Криму. *Радіо «Свобода»*. <<http://www.radiosvoboda.org/content/article/25298182.html>> (2014, June, 5).

³ General Assembly Adopts Resolution Calling Upon States Not To Recognize Changes In Status Of Crimea Region. *United Nations*. <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/ga11493>> (2014, June, 5).

⁴ G7 warns Russia on 'annexing' Crimea. *BBC News*. <<http://www.bbc.com/news/world-europe-26547138>> (2014, June, 5).

authorisation of the Russian Federation Parliament to use military force in Ukraine, the Russian military aggression and subsequent annexation of Crimea, which constituted clear violation of international law, including the United Nations Charter, the OSCE Helsinki Act and the Statute and basic principles of the Council of Europe. The Parliamentary Assembly in its resolution also stressed that “neither secessionism, nor integration with the Russian Federation, was prevalent on the political agenda of the Crimean population, or widely supported, prior to Russian military intervention”. The Assembly considered that the drive for secession and integration into the Russian Federation had been instigated and incited by the Russian authorities, under the cover of a military intervention¹.

Thus, all relevant international institutions did not recognize the so-called “referendum” in Crimea due to the fact that it violated both Ukrainian and international law, and condemned the actions of the Russian Federation regarding the annexation of the Crimea. However, Russia has not yet abandoned the occupation of the Crimea peninsula and considers it to be a part of its territory, extending to the peninsula its own law and order. For example, as from June 1 the Russian ruble officially became the only valid currency in Crimea, with the Ukrainian hryvnia being given the status of a foreign currency². Many changes were made to the social life of the Crimea. The Crimean Tatars were even prevented from commemorating the seventieth anniversary of deportation (the so-called Kurultai) as they previously had planned to. Crimean Tatar leader Mustafa Dzhemilev who was prevented from entering Crimea said that he saw no prospects for the Crimean Tatars in the Russian Federation. It shall be noted that in June 2014 Mustafa Dzhemilev won the first Solidarity Prize³.

Meanwhile, justifying its actions aimed at the occupation of the Crimea, Russia has repeatedly referred to the case of Kosovo. The Kosovo precedent was referred to by the self-proclaimed Crimean authorities and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in order to justify the legality of the Crimean referendum. Putin also spoke about

¹ The illegal annexation of Crimea has no legal effect and is not recognised by the Council of Europe. *Council of Europe official site*. <<http://www.assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=4975&lang=2&cat=8>> (2014, June, 5).

² Крим повністю перейшов на російський рубль. *Gazeta.ua*. <http://gazeta.ua/articles/ukraine-newspaper/_krim-povnistyuu-perejshov-na-rosijskij-rubl/561625> (2014, June, 5).

³ Мустафа Джемілев: у складі Росії перспектив для кримських татар ми не бачим. *Голос Америки*. <<http://ukrainian.voanews.com/content/perspectives-for-tatars-as-part-of-russia/1929400.html>> (2014, June, 5).

Kosovo before signing the Treaty on the Adoption of the Republic of Crimea to Russia¹.

These arguments seem to be inconsistent given the official position of Russia on Kosovo's declaration of independence and non-recognition of the state by Russia. In particular, the Russian Foreign Ministry noted in its statement that unilateral actions as to the proclamation of independence by Kosovo violated the "sovereignty of the Republic of Serbia, the UN Charter, the UN Security Council resolution 1244, the principles of the Helsinki Final Act, the Kosovo constitutional framework, the agreement of the high-level Contact Group." It was stated that "Russia fully supports the reaction of the Serbian leadership to the events in Kosovo and its just demands to restore the territorial integrity of the country." Russian Foreign Ministry stressed the negative consequences that the separatism may have for "the world order and international stability, authority of the Security Council decisions."² And Putin pending the informal CIS summit said that "Kosovo precedent was a terrible precedent and that, in fact, it broke the whole system of international relations, developed not even during a decade, but over the centuries."³ Given such a position there exists a dubious opportunity to justify the annexation of the Crimea by the example of Kosovo. Moreover, it should be emphasized that Ukraine has not recognized Kosovo's independence, and this position is unchanged. In particular, one of the last statements is the MFA Comment dated 26 June 2013 on the change of the order of entry for Ukrainian citizens to Kosovo, which confirmed once again, that "Ukraine does not recognize Kosovo's independence and has no diplomatic relations with that region."⁴ It is also significant that despite its reference to the precedent of Kosovo, Russia does not change its position thereon. In particular, after the aforementioned events in the Crimea, Russian Embassy in Serbia issued a statement, which specified that Russia would not change its opinion on the recognition of Kosovo.⁵

---

¹ Владимир Путин: «Почему в Косово можно, а Крыму – нельзя?». *Известия*. <<http://izvestia.ru/news/567703>> (2014, June, 5).

² Заявление МИД России по Косово. *МИД РФ. Официальный сайт*. <http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/69E1940601A4968BC32573F20053D7F7> (2014, June, 5).

³ Путин: независимость Косово повлечет непредсказуемые последствия. *РИА Новости*. <<http://ria.ru/politics/20080222/99907461.html>> (2014, June, 5).

⁴ Щодо зміни порядку в'їзду громадян України до Косово. *МЗС України*. <<http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/335-shhodo-zmini-poryadku-vjizdu-gromadyan-ukrajini-do-kosovo>> (2014, June, 5).

⁵ Russia Stance on Kosovo Unchanged Despite Crimea. *Balkaninsight*. <<http://www.balkaninsight.com/en/article/russia-keeps-its-stance-on-kosovo>> (2014, June, 5).

It should be noted that a part of the Western doctrine has very negative attitude towards recognition of Kosovo. An opinion by Jure Vidmar may be considered as some kind of generalization: even the pronouncements of the Kosovo Opinion are neither controversial nor far-reaching enough to tell whether or not Kosovo is a state.¹ However, even the biggest sceptics of recognizing Kosovo are unanimous that any opinion on the legality, legitimacy or lawfulness of Kosovo's case cannot justify the Russian annexation of the Crimea. Moreover, the doctrine provides that just as Russia is using the controversial nature of the Kosovo precedent, the Crimea precedent may be used against Russia itself in the future. According to the U.S. and some EU countries², the situation in Kosovo is unique and the recognition of its independence should not become a precedent for other breakaway entities. For example, Angela Merkel at the Parliamentary Assembly of the Council of Europe said: "We believe that Kosovo's case is sui generis and for this reason we have decided to recognize Kosovo. We do not believe that based on Kosovo, there can be parallels drawn for other regions."³ As the explanation of the uniqueness of the Kosovo case the State Secretary Condoleezza Rice enumerated the combination of the following factors: the general context of the disintegration of Yugoslavia, the ethnic cleansing and crimes against the civilian population of Kosovo, the long period under UN administration management. The Western powers consistently declared that Kosovo situation was exceptional and provided for pragmatic justification of their own behaviour in relation to Kosovo, which gave them enough flexibility for changes in their approach, meanwhile the constant reference of the Russian Federation to the international law regarding the situation with the Crimea will not let Russia give another interpretation of these events in the future.⁴

¹ Jure Vidmar The Kosovo Opinion and General International Law: How Far-reaching and Controversial is the ICJ's Reasoning? *The Hague Justice Portal*. <http://www.haguejusticeportal.net/Docs/Commentaries%20PDF/Vidmar_Kosovo_Note_EN.pdf> (2014, June, 5).

² Kosovo, Ue: «Decidono gli Stati» D'Alema: «L'Italia lo riconoscerà». *La Repubblica*. <<http://www.repubblica.it/2008/02/sezioni/esteri/kosovo-indipendenza/kosovo-diplomazia/kosovo-diplomazia.html>> (2014, June, 5).

³ Angela Merkel: Kosovo, a sui generis case. *New Kosova Report*. <<http://newkosovareport.com/20080416883/Politics/angela-merkel-kosovo-a-sui-generis-case.html>> (2014, June, 5).

⁴ Larison Daniel. Kosovo, Crimea, and Precedents. *The American Conservative*. <<http://www.theamericanconservative.com/larison/kosovo-crimea-and-precedents/>> (2014, June, 5)

At the same time, the most reasonable and scientific opinion seems to be that the examples of Kosovo and Crimea are fundamentally different in their nature. The Russian attempt to draw parallels between the declaration of Kosovo's independence and "self-determination" in Crimea makes it important to highlight different aspects of the two cases.

First of all, the Kosovo Albanians (Kosovars), unlike the Russians in the Crimea, were subjected to national oppression by the Serbian authorities. The nonviolent resistance to the oppression from Serbia in 1990 did not give any results, as well as the military resistance in 1997-1999, so the NATO launched a 78-day operation against Yugoslavia aimed at stopping the war in Kosovo. In 1999, in accordance with the Security Council resolution, the United Nations, through the UN Mission (UNMIK), began to manage the province¹. At the same time, the Serbs still live in Kosovo forming a particular enclave without being persecuted. On 14-15 February 2012, they decided to reaffirm their non-subordination to the central Kosovo government, holding an advisory referendum. After the two days of voting, 75 % of all Serbs living in northern Kosovo voted "No" to the question: "Do you accept the institutions of the so-called Republic of Kosovo?" The OSCE and the UNMIK warned that the referendum had no validity and would have no legal consequences; it was predictably condemned by Kosovo. But it is noteworthy that Serbia called the referendum "completely unnecessary and meaningless".² This fact confirms that Serbs in Kosovo do not face harassment and persecution, which is guaranteed by the presence of international peacekeeping groups.³ The situation with the Ukrainians and Crimean Tatars in Crimea is diametrically opposite. Moreover, if the facts of the persecution and harassment against them in the annexed peninsula are proven, the so-called violence against Russians, which was the reason for the annexation, did not get any evidence. The statements by Russian officials that draw a parallel between Kosovo and the Crimea, talking about some kind of "violence" in relation to the Crimeans by the Ukrainian authorities, are not based on any facts. The PACE resolution on the Crimean issue provides a clear statement on this point. The

---

¹ Kosovo: The world's newest state. *The Economist*. <<http://www.economist.com/node/10727947>> (2014, June, 5).

² Northern Serbs Vote 'No' to Kosovo. *Balkan Insight*. <<http://www.balkaninsight.com/en/article/99-74-kosovo-serbs-say-no-to-pristina>> (2014, June, 5).

³ Sterio, Milena. The Case of Kosovo: Self-Determination, Secession, and Statehood Under International Law. *Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law)*. <<http://www.jstor.org/stable/10.5305/procanmeetasil.104.0361>> (2014, June, 5).

parliamentarians said that none of the arguments used by the Russian Federation to justify its actions hold true to facts and evidence. There was no ultra-right wing takeover of the central government in Kyiv, nor was there any imminent threat to the rights of the ethnic Russian minority in the country, including, or especially, in Crimea¹.

Ivan Šimonović, UN Assistant Secretary-General for Human Rights stated that in Ukraine there has been no such violation of human rights which would require armed intervention of another country to protect the population's rights. Moreover, he noted that in the Crimea illegal arrests and harassments were recently conducted. He also reported about the illegal armed gangs "who were not natives of the region" and "remained unmarked."² At the same time, attempts to explain the actual RF interference in the affairs of Ukraine by the desire to prevent possible future human rights violations seem to be even more illogical. In particular, the Minister of Foreign Affairs Sergey Lavrov stated that the fact that everyone declares that there were no serious offenses or violations is caused by the additional measures taken with a view to preventing the repetition of what happened during the revolution in Kyiv.³ That is, the official Moscow actually calls to ignore the absence of human rights violations in the Crimea by the Ukrainian authorities, inventing a fantastic scenario, which was prevented by the annexation of the peninsula. At the same time, Russia ignores human rights violations that are created by its own actions.

The head of the State Duma Committee for the CIS Affairs Leonid Slutsky said that Russia would not recognize the judgement of the European Court of Human Rights if the Court supported Ukraine's position on the annexation of the Crimea. He also said that if the ECHR supported Ukraine, it would be obvious that the court was no longer fair and impartial⁴. In our opinion, these facts indicate that the attempts to

¹ The illegal annexation of Crimea has no legal effect and is not recognised by the Council of Europe. *Council of Europe official site*. <<http://www.assembly.coe.int/nw/xml/News/News-View-EN.asp?newsid=4975&lang=2&cat=8>> (2014, June, 5).

² В Украине не зафиксировано нарушений прав человека, которые требуют военного вмешательства, – помощник генсека ООН. *Сайт iPress.ua*. <http://ipress.ua/ru/news/v_ukrayne_ne_zafyksyrovano_narushenyu_prav_cheloveka_kotorige_trebuyut_voennogo_vmeshatelstva_pomoshchnyk_genseka_oon_54390.html> (2014, June, 5).

³ Лавров: Крым еще более особый случай, чем Косово. *Сайт деловой газеты «Взгляд»*. <<http://www.vz.ru/news/2014/3/14/677145.html>> (2014, June, 5).

⁴ РФ не признает решение ЕСПЧ, поддерживающее Украину по вопросу Крыма. *Факты и комментарии*. <<http://fakty.ua/182716-rf-ne-priznaet-reshenie-espch-podderzhivayucshee-ukrainu-po-voprosu-kryma>> (2014, June, 5).

justify the Russian annexation of the Crimea by protection of human rights are inconsistent and speculative.

It is also important that, as it was already noted, unlike the case of Crimea the one of Kosovo was considered by the International Court of Justice, which did not recognize the secession of Kosovo as violation of international law. On 26 March 2008, the Government of Serbia announced its plan to call on the International Court of Justice to rule on the declaration of Kosovo's secession. On 30 September 2008, in a trial vote, the Serbian initiative was backed by 120 member states. In the real vote, the United Nations General Assembly adopted this proposal as Resolution 63/3 on 8 October 2008 with 77 votes in favour, 6 votes against and 74 abstentions. The Court was asked to render an advisory opinion on the following question: "Is the unilateral declaration of independence by the Provisional Institutions of Self-Government of Kosovo in accordance with international law?" The court delivered its advisory opinion on 22 July 2010 and declared that "the adoption of the declaration of independence of the 17 February 2008 did not violate general international law because international law contains no prohibition on declarations of independence", nor did the adoption of the declaration of independence violate UN Security Council Resolution 1244, since this did not describe Kosovo's final status, nor had the Security Council reserved for itself the decision on final status¹.

As for Crimea, neither Russia nor the self-proclaimed authorities of the Crimea, who repeatedly referred to the ICJ opinion, took the opportunity to address the ICJ or any other international institution that could be done in case of the desire to protect the rights of the Crimean population. Instead, the UN General Assembly was appealed by Ukraine, after which the General Assembly decided that the referendum and the subsequent decisions of the self-proclaimed Crimean authorities and the decision-makers of the Russian Federation are illegal, and the peninsula remains an integral part of Ukraine.

In the context of the ICJ advisory opinion it is important to highlight another important feature. The unilateral secession is neither prohibited nor an entitlement under international law. Jure Vidmar believes that "a declaration of independence may be given effectiveness through foreign military assistance. This is where neutrality of international law ends. International law is neutral only with respect to a declaration's unilateral character, but not in general, where territorial illegality is attached to the

---

¹ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo (Advisory Opinion) 2010 <<http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>> (2014, June, 5).

situation”. In particular, the International Court of Justice stated in its advisory opinion that “the illegality attached to some other declarations of independence ... stemmed not from the unilateral character of these declarations as such, but from the fact that they were, or would have been, connected with the unlawful use of force or other egregious violations of norms of general international law, in particular those of a peremptory character (jus cogens)”¹.

The abovementioned opinion is currently maintained on the theoretical and practical levels. In particular, the Western doctrine agrees with it with regard to the General Assembly resolution 56/83 on “Responsibility of States for internationally wrongful acts.” Paragraph 2 of Article 41 provides as follows: “No State shall recognize as lawful a situation created by a serious breach within the meaning of article 40, nor render aid or assistance in maintaining that situation”. Article 40 specifies the definition of the serious breach: “This chapter applies to the international responsibility which is entailed by a serious breach by a State of an obligation arising under a peremptory norm of general international law. A breach of such an obligation is serious if it involves a gross or systematic failure by the responsible State to fulfil the obligation”.² Thus the conclusion may be made that international law will be developed by prohibiting to recognize the state, whose formation is associated with the violation of peremptory norms. So the President’s Decree “On recognition of the Crimea”³ has dubious character that will affect the status of the Treaty on the Adoption of the Republic of Crimea to Russia. It must be stressed that the creation of the state of Kosovo can only be explained by post-conflict legal settlement established by Resolution 1244, and the right of self-determination. Accordingly, any arguments on the legality or illegality of the previous NATO intervention do not affect the legality of the creation of the State. In Crimea, the situation is opposite, and the determining factor is the illegal interference of Russia⁴.

¹ Jure Vidmar. Crimea’s Referendum and Secession: Why it Resembles Northern Cyprus More than Kosovo. *Blog of the European Journal of International Law*. <<http://www.ejiltalk.org/crimeas-referendum-and-secession-why-it-resembles-northern-cyprus-more-than-kosovo/>> (2014, June, 5).

² Talmon Stefan. The Duty Not to ‘Recognize as Lawful’ a Situation Created by the Illegal Use of Force or Other Serious Breaches of a Jus Cogens Obligation: An Obligation without Real Substance? <<http://users.ox.ac.uk/~sann2029/6.%20Talmon%2099-126.pdf>> (2014, June, 5).

³ Подписан Указ о признании Республики Крым. *Администрация Президента РФ*. <<http://kremlin.ru/acts/20596>> (2014, June, 5).

⁴ Jure Vidmar. International Legal Responses to Kosovo’s Declaration of Independence. *Vanderbilt Journal Of Transnational Law*. <http://www.vanderbilt.edu/jotl/manage/wp-content/uploads/Vidmar-cr_final_final1.pdf> (2014, June, 5)

It is also important that the international community for many years sought to solve the problems associated with the oppression of Albanians in Kosovo. The administration of the United Nations was introduced, numerous rounds of talks were held. The declaration of independence took place many years after the beginning of those efforts. On the other hand, the period from the beginning of the supposed “violation of the rights of Russians in the Crimea” to “self-determination” of Crimea took several weeks. In addition, the initial date of the referendum was changed for the earlier one, without any reasonable justification provided. The conclusion may be made that in case of the Crimea the possibilities of so-called “internal self-determination” were not fully used. Thus, taking into account the fact that the right of self-determination is getting a new interpretation and is considered as an act of national, cultural and economic autonomy within the state, not as an act of separation from the territory of the state or status of an independent state¹, the events of the Crimea crisis cannot be justified by international law.

Another important key feature of the cases of Kosovo and Crimea is an aspect of indigenous peoples. Albanians in Kosovo (unlike the Russians in the Crimea) are, as well as Crimean Tatars, an indigenous people. The UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples states that indigenous peoples have the right to self-determination. By virtue of that right they freely determine their political status and freely pursue their economic, social and cultural development. According to Article 4 indigenous peoples, in exercising their right to self-determination, have the right to autonomy or self-government in matters relating to their internal and local affairs, as well as ways and means for financing their autonomous functions.

The opinion of the Crimean Tatars must have become critical in determining the status of Crimea. On March 20, 2014, the Verkhovna Rada of Ukraine adopted the Resolution on the Statement of the Verkhovna Rada of about the guarantees of the rights of the Crimean Tatar people as part of the Ukrainian State. The Statement provides for guaranteeing protection and realization of the inalienable right of the Crimean Tatar people to self-determination as part of a sovereign and independent Ukrainian State, the recognition of the Mejlis of the Crimean Tatar people, the executive body of Kurultay of Crimean Tatar people as a competent body of the Crimean Tatar people. It also expresses support for

---

¹ Pentassuglia, G. (2002). *Minorities in International Law. An introductory study*. Council of Europe Publishing, 304.

the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples¹. At the same time, the Russian Federation demonstrates its double standards. During the process of separating the Crimea Russia held a meeting with representatives of the Crimean Tatars and declared the guarantees of their autonomy, respect for their language and cultural rights. In fact, after the occupation of the Crimea the opposite situation was formed. In particular, Mustafa Dzhemilev made a statement that the Crimean Tatars pending 23 years “got used to some level of freedom”, but now they were coming back to the situation, which is very similar to the Soviet Union, against which they had fought for many years, and “in some respects the current regime in Crimea is even worse than the Soviet one”. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR) has published a report on the situation regarding human rights in Ukraine, pending the visit to Ukraine of the UN Assistant Secretary General and the work of the Monitoring Mission for Human Rights in Ukraine, which indicated that there were increasing reports of on-going harassment towards Crimean Tatars, and other residents who did not support the “referendum”. Human rights concerns relate to citizenship, property and labour rights, access to health and education. Many Crimean Tatars and Ukrainians are forced to leave their homes.² John Dalhuisen, Europe and Central Asia Programme Director at Amnesty International said that “despite assurances made by the de facto Crimean authorities to protect the rights of Tatars, since the annexation of the peninsula by Russia in March this year, the Tatar community has faced increasing violence and discrimination,” and “the Russian authorities have allowed armed groups that have been behind some brutal attacks against the Tatars to operate freely in Crimea”.³ The examples of harassment are claims of the Crimean authorities to release a part of the land on which Crimean Tatars live, for the needs of the Republic⁴, as well as imposing fines on Crimean Tatars who came to

¹ *Постанова про заяву Верховної Ради України щодо гарантії прав кримськотатарського народу у складі Української Держави 2014 (Верховна Рада України)*. <http://portal.rada.gov.ua>.

² В ООН визнали незаконність референдуму і утиски кримських татар та українців у Криму «Дзеркало тижня. Україна». <http://dt.ua/UKRAINE/v-oon-viznali-nezakonnist-referendumu-i-utiski-krimskih-tatar-ta-ukrayinciv-u-krimu-141692_.html> (2014, June, 5).

³ Правозахисники кажуть про ризик утисків кримських татар. *BBC*. <http://www.bbc.co.uk/ukrainian/news_in_brief/2014/05/140523_or_crimean_tatars.shtml> (2014, June, 5).

⁴ В Криму почались утиски татар: вимагають звільнити частину земель. *iPress.ua*. <http://ipress.ua/news/v_krymu_pochalys_utysky_tatar_vymagayut_zvilnyty_chastynu_zemel_55022.html> (2014, June, 5).

the border of the autonomous republic to support their leader Mustafa Dzhemilev¹, who was banned and prevented from entering his homeland. Thus, if in the case of Kosovo the group, which had a potential right to self-determination as a result of the separation was in pole position and indeed defended its rights, the indigenous people of Crimea is not only found to be in the worse conditions and circumstances, its opinion was generally rejected and ignored by the so-called “self-determination”.

Theory of international law also provides the important role to the motivation of the actions for self-determination. If a subject, who has the right to self-determination, exerts its efforts to create its own state, such action can be legitimate. However, if the subject by means of external support wants to join a third country, the situation does not comply with the principles of international law². It is related to correlation between the principle of self-determination and the principle of territorial integrity of states that have no hierarchical subordination and in case of the proper interpretation and application do not contradict each other³.

Therefore, the cases of Kosovo and Crimea, although they have a number of common features, have far more differences. Moreover, neither Russia nor Ukraine recognized Kosovo’s independence, so any reference to this “precedent” is deemed to be unreasonable and inappropriate. In a written statement in the case against Kosovo formally submitted by the Russian Federation to the International Court of Justice in April 2009, it states “the right to self-determination cannot be construed as authorizing or encouraging any action that would lead to a partitioning or a partial or complete violation of the territorial integrity or political unity of sovereign and independent state.”⁴ It is important to refer to the direct statement regarding the position of the President of Ukraine on the recognition of Kosovo’s independence: “Notwithstanding the decision of the international community within the framework of negotiations,

---

¹ Окупаційна влада Криму наклала штрафи на кримських татар – Джемилев. *5 канал*. <www.5.ua/proekti/item/385098-okupatsiina-vlada-krymu-naklala-shtrafy-na-krymskykh-tatar-dzhemiliev> (2014, June, 5).

² Schwartz, Barry. Self-Determination. The Tyranny of Freedom. *American Psychologist*. <<http://www.lightforcenetwork.com/sites/default/files/Barry%20Schwartz%20-%20Self-Determination%20The%20Tyranny%20of%20Freedom.pdf>> (2014, June, 5).

³ The ratio of the principle of self-determination and the principle of territorial integrity of the state. *Athirtyeight*. <<http://blog.athirtyeight.com/2014/05/the-ratio-of-principle-of-self.html>> (2014, June, 5).

⁴ МЗС України вручено ноту представнику РФ в Україні. *МЗС України*. <<http://mfa.gov.ua/ua/press-center/comments/687-mzs-ukrajini-vrucheno-notu-predstavniku-rf-v-ukrajini>> (2014, June, 5).

Ukraine will consider the issue of sovereignty and independence of Kosovo as not a precedent for other conflicts. Such position has already been announced by a number of countries. We want to emphasize that the model of settlement of Kosovo's status is not and cannot be a precedent.”¹ Thus, Russia could not refer to the case of Kosovo as a precedent in its bilateral relations with Ukraine. And the Russian actions in Crimea constitute a breach of international law, and cannot be justified by so-called protection of “human rights” or “the right to self-determination”.

---

¹ У питанні щодо статусу Косово Україна керується національними інтересами та міжнародним правом – Президент. *Прес-служба Президента України Віктора Ющенка*. <<http://www.president.gov.ua/news/9060.html>> (2014, June, 5).

Анатолий Кормич, к. и. н.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПРАВОВЫХ ТРАКТОВОК

The present article provides the analyses of main methodological approaches to legal researches of the civil society. The dynamics of the interpretations of the essence of civil society as a complex system is traced. The factors of influence upon institutional, legal and procedural sub-systems of civil society are shown. Besides the article determines parameters for analyses of the social partnership mechanism that is an effective way of interaction between the civil society and the state. The methodological aspects of the researching of a civil society development are characterized.

Важное место в современной юриспруденции занимают проблемы, связанные с исследованием процесса формирования и развития гражданского общества. Масштабные изменения, произошедшие в мире в целом и в Украине в частности на рубеже XX-XXI столетий, трансформировали базовые парадигмы видения и оценок тенденций общественно-государственного развития. Происходит переход от представлений о государственном моноцентризме и абсолютизации суверенитета государства к пониманию социального полицентризма и признанию роли непосредственного участия граждан в управлении, осуществлении властных функций, главным образом, через деятельность институтов гражданского общества.

Все это обуславливает важность и необходимость, прежде всего, уточнения категориального аппарата, характеризующего содержание самого концепта «гражданское общество». Также в качестве первоочередных задач выступают: выделение приоритетных детерминант и концептуальных основ процесса становления гражданского общества, определение моделей и статусов составных элементов гражданского общества и механизмов их взаимодействия, в рамках системно-институционального анализа; характеристика иных нормативно-процессуальных аспектов функционирования гражданского общества. Такие задачи повышают значимость методологических разработок проблематики гражданского общества в современной юридической науке.

Принимая во внимание определенный методологический плюрализм, присущий современным научным исследованиям, мы получаем возможность комплексного применения солидного парадигмально-концептуального потенциала и теоретико-правового

инструментария, наработанных в рамках разных методологических подходов, для всестороннего анализа процесса становления и функционирования гражданского общества. То есть, интегрируя научные достижения, мы, таким образом, получаем возможность эффективнее внедрять исследовательские инновации.

В таком плане абсолютно органичным является применение элементов традиционализма в изучении формально-институциональных структур, входящих в систему гражданского общества. Однако, статичный, описательный анализ таких структур ограничивает возможности их всестороннего, комплексного исследования, суживает перспективное видение результата, исключая микросоциальные факторы и влияние формальных структур на поведение людей. То есть, данный подход носит некий консервативно-ограниченный характер.

Поэтому более эффективным представляется соединение его с бихевиористским подходом в анализе специфики поведения структурных элементов гражданского общества, определяемой своего рода индивидуализацией субъектов, психологическими особенностями, влияющими на поведение. На этой основе выстраивается довольно логично сконструированная, хотя и несколько абстрактная модель, объясняющая поведение системы, процессы ее функционирования, наглядно демонстрирующая расхождения и однородности в поведении системы. В свою очередь, знания закономерностей поведения позволяют находить средства манипуляции последним либо использовать их для оптимизации управления, учитывая разные ситуации и условия, а также определяя реальные причины и параметры поведения. На такой базе не только оценивается адекватность поведения всей системы гражданского общества или его составных частей, но и прогнозируется вероятность его направленности.

И, наконец, не менее существенным представляется выявление закономерностей и особенностей адаптации составных элементов данной системы к новым условиям существования, влияния социальных и природных факторов на их поведение в рамках постбихевиоризма и, особенно, его современных разновидностей, нацеленных на преодоление консерватизма и абстракционизма, присущих ряду методологических подходов. Ибо они направлены не только на объяснение, но, прежде всего, на разрешение анализируемых ситуаций, на моделирование перспектив развития и совершенствования системы гражданского общества.

В частности, на базе компаративистики, с использованием диалектического и исторического принципов, четко прослеживается

как динамика так и своеобразие формирования и функционирования гражданского общества во временном и пространственном измерении. А это дает возможность выбора позитивно зарекомендовавших себя форм и способов функционирования гражданского общества, разработки конкретных рекомендаций относительно их модернизации.

А, например, синергетический подход позволяет через постулат самоорганизации системы акцентировать внимание на наиболее оптимальных моделях и механизмах развития гражданского общества как сложноорганизованной социоприродной системы. Это делает возможным моделировать процессы в открытой нелинейной среде, каковой является система гражданского общества, применять закономерности эволюции и самоорганизации к управлению многомерной и неоднородной системой, прогнозировать ее развитие.

Этим определяется нелинейность мышления и вариативность оценок правовых явлений, характеризующих процесс развития гражданского общества; возможность раскрывать объективные связи, выявлять основные тенденции и противоречия, присущие его становлению и функционированию как целостной совокупности элементов, связей, отношений, принципов и норм организации. В свою очередь, на данную систему влияют и традиции, и реалии, что также важно принимать во внимание.

Учитывая существующее многообразие подходов, экстраполируем их на категорию «гражданское общество», исследуя эволюцию, а также современное понимание и состояние его.

Истоки понимания процесса возникновения и развития гражданского общества можно выводить из первых попыток анализа процесса управления, связанного с ответственностью, но обязательно при наличии права выбора, существования альтернативы, то есть, при фактическом признании сути демократической практики и соответствующих ей процедур.

Периодизация процесса становления концепции гражданского общества неразрывно связана с этапами государственного строительства и цивилизационного развития на разных территориях.

Наглядной демонстрацией основ гражданского общества можно считать уже Древнюю Грецию с ее государствами-полисами, где гражданская община выступала демографической и социокультурной общностью, а каждый ее член, будучи воином, собственником и носителем политических прав, принимал участие в жизни государства – в политике. Античное общество максимально использовало демократические формы и процедуры для воплощения идеи

социальной гармонии, безусловно, в ограниченном понимании своего времени. На этой базе уже в VI в. до н.э. возникло явление, адекватное понятию «исономия», то есть, право участия всех граждан в управлении полисом. Хотя, конечно, речь шла только о гражданах – политически полноправных представителях, а не обо всем населении, которое греки именовали «лаос». Афинская демократия – один из наиболее ярких примеров такого явления. А своего рода идеологи демократии того времени как Перикл, Фукидид и другие подчеркивали важность достижений человека не только в личных, но и в общественных делах.

Подобная тенденция развивалась, хотя и по-разному проявлялась в разные времена и у разных народов, ибо нередко сопровождалась конфликтом взглядов на права человека и права государства, как у великого афинского мыслителя Сократа (469-399 г. до н. э.), либо полностью ассоциировала понятия государства и общества.

Такой представитель Античной эпохи как Аристотель (384-322 г. до н.э.), характеризуя государство как слагаемое разных структурных элементов – граждан, семей, городских общин, искал формулу единства, взаимодействия и, вместе с тем, самостоятельности существования этих элементов, согласно своим целям и природным законам развития. То есть, по сути, прогнозировал механизм взаимодействия государства с гражданским обществом, где важны не только обязанности, но и права, активное участие гражданина в осуществлении власти. Такие взгляды он сформулировал в трактате «Политика», критикуя модель идеального государства, предложенную Платоном и считая ее такой, что разрушает гармонию в пользу государства. Аристотель же делал акцент на семье, справедливости, частной собственности, укрепляющей позиции своего рода среднего класса и иных детерминантах, определяющих суть предложенной им формы правления – «политии», объединяющей демократию с олигархией и позволяющую, по его мнению, гармонизировать интересы государства и индивида¹.

Идеалы теоретиков Древней Греции перекликались со взглядами мыслителей Древнего Рима. Так Марк Тулий Цицерон (106-43 г. до н.э.) в диалогах «О государстве», «О законах» сформулировал понимание народа, которое может быть положено в основу понимания гражданского общества. Ибо у него народ объединен правом и интересами. А государство выступает формой, обеспечивающей

¹ Цицерон, М. Т. (1966). *Диалоги. О государстве. О законах*. Москва: Наука, 224.

правовое равенство гражданам. Хотя при этом идеалом он считал сочетание монархии, аристократии и демократии¹.

Подобные базовые идеи мыслителей древности, как: участие граждан в управлении, определенная самостоятельность таких сфер жизни общества как семья, религия, искусство, образование; справедливость законов и равенство прав, многие иные оказали влияние на теоретиков последующих эпох, закладывая фундамент понимания гражданского общества, его места, роли, функций, механизма взаимодействия с государством.

Так, средневековые арабские мыслители развивали античные идеалы таких ценностей как гармония и счастье человека, связывая их с объединением людей во имя общего блага, как в частности, Ибн Рушд (1126-1198) в трактате «О достижении счастья».

Даже утопические теории содержали идеи, важные для формирования концепций гражданского общества. Так, например, Томас Мор (1478-1535) в своем труде «Утопия» мечтал о справедливом обществе, где защищены интересы людей.

Важную роль в становлении концепций гражданского общества играло и изменение подходов к проблеме происхождения государства, в частности, утверждение теории ее договорного происхождения как результата волеизъявления людей. Именно так сформулировал эту идею Гуго Гроций (1583-1645) в своем знаменитом трактате «О праве войны и мира. Три книги», увидевшем свет в 1625 году и уже через два года попавшем в «Индекс запрещенных книг», что в прочем не помешало 40 раз переиздавать его на протяжении последующих 30 лет.

Но конкретное наполнение и развитие концепция гражданского общества как культурного, упорядоченного сообщества высшего порядка, основанного на полноправии народа, получила в трудах идеологов Нового времени – Джона Локка, Жан-Жака Руссо, их сторонников и последователей, практиков борьбы за республику и демократические конституции.

Так, лидер английских левеллеров Джон Лильберн (1614-1657) отстаивал идеалы республики, избирательных прав, природных прав: свободы слова, совести, петиций, торговли, равенства перед законом и судом, иные ценности, на которых конструируется система гражданского общества.

Но наиболее полно концепцию природного права как основы гражданского общества изложил в своих трудах, например, в работе

---

¹ Цицерон, М. Т. (1966). *Диалоги. О государстве. О законах*. Москва: Наука, 224.

«Два трактата о правлении» Джон Локк (1632-1704) – идеолог социального компромисса и участия свободной личности во власти. Права и свободы человека он рассматривает как условие свободы во взаимоотношениях и действиях, в распоряжении собственностью и во взаимодействии с властью. Государство же, гарантируя эти права, не может на них посягать. Существование таких прав ограничивает власть государства. Ибо сама власть держится на согласии и доверии общества, являясь выборной и представительной¹.

Таким образом, гуманистические ценности свободы, равенства, собственности, вне зависимости от государства, утверждали либеральные трактовки естественных прав человека и формировали основные принципы гражданского общества. Социальные и моральные идеалы теории естественного права и принципы гармонии и справедливости эпохи Просвещения дополняли друг друга, приобретая универсальный характер, шаг за шагом создавая целостное понимание концепта «гражданское общество».

Так, Христиан Томазий (1655-1728) выступал против вмешательства государства в духовную свободу личности и свободу убеждений, в личную жизнь людей, считая, что только таким путем можно создать искреннее и счастливое человеческое сообщество.

Жан-Жак Руссо (1712-1778) создание ассоциации равных и свободных индивидов выводил из общественного договора, в результате которого человек обретает гражданские права и свободы, а народный суверенитет становится главным принципом республиканского устройства. Народный суверенитет выступает как неотчуждаемый и неделимый, обеспечивая верховенство народа, народовластие².

Многие из этих идей воспроизводились в трудах творцов социалистических и коммунистических теорий XVIII века, как: Жан Мелье (1664-1729), Габриель Бонно де Мабли (1709-1785), Леже-Мари Деман (1716-1774), Сильвен Марешаль (1750-1803), идеализировавших природное состояние общества как золотой век в истории человечества и ратовавших за общинный, безгосударственный строй, основанный на моральном единстве и простоте жизни людей. Но подобные тезисы носили характер утопического теоретизирования.

Французская революция 1789-1794 годов перевела многие постулаты в практическую плоскость, поставив в повестку дня вопросы конституционного закрепления прав и свобод человека и четкой регламентации взаимоотношений общества и государства, требуя

¹ Локк, Дж. (1988). *Два трактата о правлении*. Соч.: в 3 т. Т. 3. Москва: Мысль, 91-406.

² Руссо, Ж.-Ж. (1998). *Об общественном договоре*. Москва: Канон-Пресс, 416.

большей балансировки между ними. Идеалы республиканской формы правления, народного суверенитета, защиты прав человека получили широкое распространение не только как теоретические размышления, но и как руководство к практическим действиям и находили поддержку и понимание в разных странах и на разных континентах.

Однако, в стремлении сконструировать некое идеальное государство или абсолютно моральное общество, гарантировавших благоденствие всем гражданам, нередко проявлялось отсутствие понимания специфики между категориями «государство» и «общество» и фактическое ассоциирование этих понятий как идентичных друг другу.

Принципиальную разницу между этими феноменами убедительно показал Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) в своем фундаментальном труде «Философия права», вышедшем в 1826 году.

Гегель раскрыл сущность гражданского общества как сферы реализации специфических, частных целей и интересов личности. Он не считает его полностью свободным, по причине существования противоречий и столкновений интересов конкретных индивидов. Однако, именно развитие такого общества диктует потребность превращения государства в правовое и его сотрудничества с гражданским обществом.

Такое сотрудничество, в свою очередь, обеспечивает совершенствование всех составных элементов самого гражданского общества : субстанционального, промышленного, общего, а также всех его подсистем – потребностей, правосудия, корпораций¹.

Подобное видение сущности гражданского общества закрепилось в либеральных концепциях XIX века, пропагандировавших активизацию личности, гарантии неприкосновенности сферы частной жизнедеятельности человека, сочетания общего блага с удовлетворением частных интересов и иные важные идеи, в которых формулировалось понимание возможности объединить личную удовлетворенность с общей полезностью и моральностью. Именно таким представлялся путь демократизации и государства, и общества.

На подобных фундаментальных основах строились концепции Иеремии Бентама (1748-1832), Джона Остина (1790-1859), Джона Стюарта Милля (1806-1873), Бенжамена Анри Констана де Ребека (1767-1830), Алексиса де Токвиля (1805-1859) и ряда других теоретиков либерализма.

---

¹ Гегель, Г.В.Ф. (1990). *Философия права*. Москва: Мысль, 524.

Человек с его правами и свободами, развитые структуры самоуправления стояли в центре социального устройства, которое отстаивали Михаил Драгоманов (1841-1895), Иван Франко (1856-1916) и другие представители украинской политико-правовой мысли.

Интерес представляет и то, что и в новейшее время не только светские, но и теологические подходы возрождали идеи естественного права. Так, католический философ Жак Маритен (1882-1973) в работе «Человек и государство» отстаивал естественные права человека, которыми он обладает в силу сопричастности божественному разуму. Он подчеркивал важность корпоративной реорганизации экономики и развития персональной демократии, утверждающей ценность личности и общее благо.

По своей сути демократия расценивалась как универсальное условие оптимизации функционирования общества, свободного развития личности.

Свобода личности в организации собственной жизни рассматривалась ими как важнейшая ценность. Государство же гарантирует эту свободу и создает условия для самосовершенствования общества. То есть, создается демократический правовой механизм взаимодействия государства и общества.

При таких условиях важно не допустить чрезмерной централизации государственной власти. Но не менее существенны и определенные границы народного суверенитета, верховенства народа. Также значимо сочетать индивидуализм со стимулами к совместным действиям, ибо только единство обеспечивает свободу.

Осознание противоречивости ряда положений либеральных концепций нашли отражение во взглядах Герберта Спенсера (1820-1903), в частности в его работах «Индивид против государства», «Личность и государство». Он осуждал государственное вмешательство в общественные отношения под предлогом улучшения условий жизни, приветствовал создание такого института гражданского общества как профсоюзы, защищал права человека, но всегда подчеркивал, что они не могут нарушать прав других индивидов.

Нередко теоретики пытались однозначно трактовать дилемму «государство-общество», абсолютизируя одно либо иное ее слагаемое. Так, в марксизме классовое пролетарское государство расценивалось как единственный гарант прав, свобод, потребностей и интересов каждого. А в анархизме переоценивалась свобода индивида, тогда как государство воспринималось только как институт насилия и неправомерных ограничений для членов общества.

Некой альтернативой выступали поиски моделей социальной солидарности, способной обеспечивать социальное партнерство, согласовывать интересы в обществе, достигать компромисса. В качестве таковых можно рассматривать идеи солидаризма Леона Дюги (1859-1928) или поиски универсальной формулы права Льва Иосифовича Петражицкого (1867-1931).

Социальные катаклизмы XX века – революции, мировые войны, существование тоталитарных режимов, активизировали теоретические изыскания по проблемам гражданского общества, поставив в повестку дня вопросы реальной защиты прав и свобод человека, оптимизации взаимодействия общества и государства.

Все это ускорило и углубило разработку современных концепций гражданского общества, базирующихся на идеях согласования индивидуальных, групповых и публичных, общественных интересов. Ведь основная социальная функция гражданского общества заключается в реализации ценностей жизни социума, обеспечении политических, гражданских, экономических, социальных свобод, создании комфортных общественных и природных условий жизни и деятельности человека.

Некой идеальной моделью, в рамках которой можно осуществить все эти цели, представлялась концепция «государства всеобщего благоденствия», утвердившаяся в 50-60 годы XX века. Ее творцами выступили Дж. Кейнс, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, К. Мюрдаль. Они отстаивали положения о расширении народного контроля и демократизации всей политической жизни, об участии граждан в распределении всех социальных благ, о достижении гармонии на основе удовлетворения интересов разных социальных групп и иные идеи, значимые для понимания сущности диффиниций : «правовое социальное государство» и «гражданское общество».

Создатели такой концепции, в частности Карл Гуннар Мюрдаль (1898-1987), были уверены, что эта модель обретет статус модели мирового порядка, выйдет за рамки национальных государств, ибо требует не только совместных усилий конкретных общества и государства, но и участия всего мирового сообщества.

Таким образом, даже краткий анализ эволюции сущности концепта «гражданское общество» свидетельствует о том, что процесс формирования и развития гражданского общества рассматривается как очень сложный и по структуре, и по содержанию. Он, во-первых, достаточно динамичен; во-вторых, обладает как национальной спецификой, так и общими закономерностями. Также он многоплановый и охватывает политику и право, культуру, сознание,

мораль. И, наконец, включает институциональную, процессуальную и нормативную сферы.

Современные трактовки гражданского общества как сферы спонтанного самовыражения свободных индивидов, ассоциаций и организаций граждан, добровольно сформированных и защищенных законом от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, позволяют рассматривать его как основу совершенствования общественных отношений, демократизации государства, свободного развития личности. Это своеобразная форма структуризации и согласования интересов внутри общества и между обществом и государством.

Политическим базисом гражданского общества выступает политический, экономический, идеологический плюрализм, обеспечивающие свободу выбора; а также механизм правовых гарантий такого выбора.

Экономической основой являются разные формы собственности и рыночные отношения, стимулирующие личную инициативу.

В методологическом плане все это характеризует процесс развития гражданского общества как многофакторный, требуя выявления оптимальных тенденций и направлений его совершенствования.

Рассматривая гражданское общество как систему с полифункциональностью ее элементов, важным представляется формирование модели поведения данной системы, основанной на консенсусе прав и обязанностей, добровольности и санкций, индивидуального и коллективного. В свою очередь, это требует дальнейшей институционализации форм представительства интересов, совершенствования механизмов взаимодействия элементов системы, адаптации ее к меняющимся условиям.

Принцип сдержек и противовесов делает такую систему эффективной, достаточно стабильной и, вместе с тем, динамично развивающейся.

Четкое распределение ролей и фиксация функциональных полей всех составных элементов системы гражданского общества, обеспечивает взаимный контроль и оперативное реагирование на возможные изменения, нарушающие органическую целостность и представляющие угрозу гармонизации отношений в рамках системы. Это создает благоприятные условия развития конструктивного сотрудничества и устанавливает определенный баланс интересов в рамках самой системы между всеми субъектами, включая ново создаваемые. Регулирование такого механизма партнерства и сотрудничества осуществляется нормами права, морали, этики, что делает

его достаточно действенным и влияющим на поведение, сознание, культуру, иные сферы жизнедеятельности общества. Конструктивизм, характеризующий подобную модель взаимодействия, стабилизирует систему гражданского общества в целом.

Аналогичным образом, то есть на основе действия механизма социального партнерства, выстраиваются также связи и отношения между гражданским обществом и современным государством, приобретающим характер правового, социально ориентированного. Таким путем повышается активность и ответственность сторон в процессе агрегации разных интересов и установления прямых связей и взаимодействия государственной и негосударственной сфер. Добровольность и ответственность как основа функционирования данного механизма обуславливают большую его эффективность.

Социальное партнерство сводит к минимуму бюрократические процедуры и административное принуждение, ибо базируется на осознанности, доверии, заинтересованности со стороны субъектов, репрезентирующих интересы, как государства, так и гражданского общества. Договоренности же, скрепленные нормативно, повышают оперативность действий и их результативность.

Прозрачность и контролируемость обществом механизма социального партнерства демократизирует практику общественно-государственного развития во всех его сферах и направлениях, снижая уровень конфликтности и обеспечивая социальный прогресс.

То есть, с методологической точки зрения, это путь к созданию динамичной перспективной модели отношений на современном цивилизационном этапе развития, предусматривающей создание новых институциональных форм выражения интересов, совершенствование нормативного регулирования их взаимоотношений, а также обеспечивающих появление современных демократических процедур их взаимодействия.

Именно форма социального партнерства позволяет широко внедрять в практику метод диалога для достижения компромисса, а в идеале – консенсуса при решении любых социально значимых проблем, относящихся и к внутренней, и к внешней среде существования социума и носящих как объективный, так и субъективный характер.

Еще один важный методологический аспект анализа процесса формирования и развития гражданского общества связан с изучением различных факторов влияния на него, которые определяют необходимость адаптации к реальным условиям существования и возможности перспективного развития.

Безусловно, это довольно широкий комплекс, включающий традиции и реалии, состояние экономики, культуры и сознания общества; требующий рассматривать характер политического режима, систему управления, тип элиты, внутреннюю и геополитическую ситуацию и многие иные важные параметры жизнедеятельности общества, а также их трансформацию. Но при этом в методологическом аспекте приоритетом будут выступать факторы углубления демократизации, расширения участия и повышения совместной ответственности за качество жизни человека, что в полной мере олицетворяет предназначение системы гражданского общества.

Индекс человеческого развития, отражающий удовлетворенность позитивными изменениями, происходящими в жизни общества, будет выступать критерием оценки степени совершенства системы гражданского общества, способного максимально обеспечивать представительство интересов.

Перспективы развития гражданского общества напрямую связаны с осознанием элитой и всем социумом потребности в такой системе эффективной реализации общественных запросов.

Правовая база, хотя и не гарантирует подобные трансформации, однако способствует созданию надлежащих условий динамичного развития гражданского общества. Поэтому, совершенствование конституционных норм и принципов, адаптацию национального законодательства к международным стандартам в сфере демократизации общественной жизни следует рассматривать как влиятельный фактор улучшения современного состояния гражданского общества и разработки позитивных стратегий его развития.

Вместе с тем, только изменение социально-политических и социально-экономических реалий способно действительно повлиять на темпы и масштабы данного процесса. Ведь недостаточные уровень и качество жизни порождают патернализм, сдерживая гражданскую инициативу и активность. Поэтому тенденция стойкого динамического развития должна опираться на комплекс мер правового, экономического, политического характера.

Также важны демократические духовные и культурные традиции, способствующие активной самореализации различных общественных субъектов, формирующие правовую культуру и правовое сознание, без которых функционирование гражданского общества невозможно.

Поэтому, в методологическом аспекте важным является создание современной модели гражданского общества и его взаимодействия с государством, гарантирующей соблюдение и защиту прав и

свобод, эффективность системы функционального представительства интересов, равные возможности продвижения этих интересов. Подобная модель включает механизмы, основанные на демократических институтах, нормах и процедурах, что обеспечивает оптимизацию и согласование интересов и потребностей всех субъектов, способствует дальнейшему развитию гражданского общества, совершенствует демократию.

При этом приоритетными являются принципы гуманизма, права и справедливости, активности в самосовершенствовании и самореализации, творческой преемственности традиций, адаптации заимствованного опыта к национальной специфике, гармонии и реализма, адекватности существующим возможностям и ресурсам.

Сконструированная таким образом модель обеспечит действенность и результативность движения по пути развития гражданского общества. Также она послужит основой для эффективного сотрудничества гражданского общества и правового государства, обеспечивая динамику и прогресс во всех сферах жизнедеятельности общества.

Литература:

---

1. Аристотель (1985). *Политика*. Соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль.
2. Цицерон, М. Т. (1966). *Диалоги. О государстве. О законах*. Москва: Наука.
3. Локк, Дж. (1988). *Два трактата о правлении*. Соч.: в 3 т. Т. 3. Москва: Мысль.
4. Руссо, Ж.-Ж. (1998). *Об общественном договоре*. Москва: Канон-Пресс.
5. Гегель, Г.В.Ф. (1990). *Философия права*. Москва: Мысль.

Anna Sokolyuk

COMPULSORY PSYCHIATRIC CARE UNDER THE LAWS OF UKRAINE IN THE HIGHLIGHT OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS' PRACTICE

Research article is devoted to the problems of the protection of human freedoms and interests of persons against whom the case is to provide mental health care to enforce on the basis of the European Court of Human Rights. The analysis of the practice led to conclusions about a mismatch between the existing legislation of Ukraine and European standards of human rights that allow to draw the conclusions about the possible ways to overcome inconsistencies.

Right to mental health is a natural right of every individual. Mental health refers to the primary person wealth, without which in one way or another the most of the other values plays out. In addition, the protection of the rights of persons with mental health disabilities is an integral part of protection of rights and freedoms of citizens of Ukraine.

Mental diseases in the past two decades become significant spread and the number of psychiatric patients is growing. According to the Ministry of Health of Ukraine, compared with 1990, the number of patients with disabilities arising from mental disorder increased: in 1990 in 100 thousand persons 17,6 had a disability due to mental illness, by the end of 2012 – 25,2. At the beginning of 2013 in Ukraine 282,748 patients with mental and behavioral disorders had a group of disability, including 8.1% of children fewer than 17 years and including 17 years old. Over the past five years, according to official statistics, the prevalence of mental disorders increased over 0.3%¹. The growing number of psychiatric patients reflects the lack of effectiveness of social and rehabilitation measures in the system of psychiatric care. However, it must be emphasized that persons with mental illness enjoy the same rights and fundamental freedoms as all other citizens. They should not be subject to discrimination on the grounds of mental illness, their rights and freedoms must be protected and secured.

According to independent experts, the system of psychiatric care in Ukraine is a zone of serious human rights violations. Relevant institutions of Council of Europe (Committee of Ministers of the Council of Europe,

¹ Довідка прес-служби МОЗ України від 20 грудня 2013 року. *Офіційний сайт Міністерства охорони здоров'я України*. <http://www.moz.gov.ua/ua/portal/pre_20131220_n.html> (2014, май, 30).

Council of Europe Commissioner for Human Rights, the Commission on Human Rights) receive a large number of complaints of citizens of Ukraine on human rights violations in the provision of mental health care, including – of torture. However, the rights and freedoms of man and citizen has become an integral part of the European integration of Ukraine and, consequently, the formation of our country as developed, legal, democratic state.

The aim of the study is to analyze the current legislation of Ukraine to protect the rights of incapacitated individuals in providing them a compulsory mental health care, and individual practice of the European Court of Human Rights on the mentioned issue.

In the study of problem of protecting the rights of persons with mental disorders in civil procedure engaged such leading Ukrainian scientists as V. V. Komarov, R. M. Minchenko, O. S. Pogrebnyak, Yu. D. Prytyka, G. O. Svetlichnaya, S. A. Chvankin, M. M. Yasynok and others. However, their work deals mainly procedural issue of providing the person with compulsory psychiatric care, without making a detailed analysis of this issue in the light of European standards for the protection of Human Rights and the European Court of Human Rights' practice.

In Ukraine, the regulation of providing of psychiatric care effected at the level of national and supranational law. The basic regulations in the sphere of mental health are the Constitution of Ukraine, Fundamentals of the legislation on health protection on November, 19. 1992, Law of Ukraine "On Psychiatric Care" on February 22, 2000, Civil Procedural Code of Ukraine, Criminal Procedural Code of Ukraine and some other laws and bylaws.

The most important international document on human rights is the Universal Declaration of Human Rights, adopted in 1948 by the UN. Since its acceptance were adopted a number of declarations and principles covering issues of human health. UN General Assembly resolution № 46/91 of 16 December 1991 highlights the importance of access to "decent medical care" to maintain or restore optimal level of physical, mental and emotional well-being. Thus, the United Nations General Assembly deals with the legal provision of mental health care¹.

On the 4th of November 1950, the Council of Europe had adopted the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. This convention corresponds to the Universal Declaration of Human Rights and is aimed to ensure the human rights and freedoms by

---

¹ Riedel, E. (2013). *Health, Rightto, International Protection*. Heidelbergand Oxford University Press.

Member States of the Council of Europe in its territory. Ukraine ratified the Convention on the 17th of July 1997¹, thereby taking on the obligations contained in this international act. In particular, Ukraine has pledged to recognize and implement the decisions of the main supervisory authority for the Protection of Human Rights of the Council of Europe – European Court of Human Rights (hereinafter – the Court)².

The Constitution of Ukraine by article 29 provides that no one shall be arrested or held in custody other than pursuant to a substantiated court decision and only on the grounds and in the manner prescribed by law³. This article corresponds to p. 1 art. 5 of the Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, which states that everyone has the personal right to liberty and security. No one shall be deprived of his liberty except for certain cases and in accordance with a procedure prescribed by law. One of these cases is the lawful detention of persons for the prevention of infectious diseases, the lawful detention of mentally ill, alcohol and drug addicted and antisocial individuals⁴.

From the specified is understandable that Article 5 applies to all deprivations of liberty, not only, for example, preventive detention. Thus, in the case of “M. v. Ukraine” (application № 2452/04), judgment of 19 April 2012, the applicant pointed to the violation of her right to liberty and security during several hospitalizations to a psychiatric institution, namely under paragraph 1 of Article 5 of the Convention:

– during the second and third hospitalization – the failure to notify the applicant about the trial of court to decide about involuntary hospitalization, the adoption of such a decision in the absence of the applicant; no indication in the judgment what actions of the applicant are the grounds for involuntary placement, regarding the type and the regime of hospitalization and the time limit of its use; on the national level the unforeseen possibility to engage the independent experts in deciding

¹ See: Про ратифікацію Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року, Першого протоколу та протоколів № 2, 4, 7 та 11 до Конвенції (1997) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/475/97-%D0%B2%D1%80>> (2014, май, 30).

² See: Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини (2006) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3477-15>> (2014, июнь, 10).

³ Конституція України, ст. 29 (1996) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>> (2014, май, 30).

⁴ See: *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, as amended by Protocols No. 11 and No. 14* (adopted 4 November 1950, entered into force 3 September 1953) (Council of Europe) <<http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/005.htm>> (2014, май, 30).

on involuntary hospitalization to a psychiatric establishment and the possibility to appeal the court decision about involuntary hospitalization;

– during the fourth hospitalization – lack of sign of a psychiatrist on the consent of the applicant on the admission in breach of national law, applicant's inability to leave a psychiatric establishment at will, the lack of documentary evidence for periodic review of the applicant to determine the grounds for continuing hospitalization, the absence of the applicant's opportunity to get legal advice to protect her interests at the time of admission.

The European Court found a violation of Article 5 § 1 of the Convention. The Court found a violation of Article 5 § 1 of the Convention on the second, third and fourth applicant's admission to a psychiatric institution¹.

The hospitalization of citizen M. held under the Art. 13 of the Law of Ukraine "On Psychiatric Care". This article states that a person under the age of 14 years (minor) is hospitalized to a psychiatric establishment at the request or with the consent of parents or another legal representative and that person recognized in accordance with the law as incapacitated, hospitalized to a psychiatric institution on request or with the consent of her guardian. In case of disagreement of one parent or the absence of parents or legal representative of a minor hospitalization to a psychiatric establishment held by a decision (agreement) of a guardianship authority, which may be appealed to the courts. The consent for hospitalization is fixed in the medical documentation signed by the person or his legal representative and psychiatrist.

A person may be hospitalized to a psychiatric establishment in the forced order on the grounds specified in Article 14 of the Law of Ukraine "On Psychiatric Care" (without the presence of informed consent, by court order). The procedure for proceedings of such a hospitalization is regulated by Chapter 10 of the Civil Procedure Code of Ukraine. The hospitalization of person is conducted by a psychiatrist's decision within 24 hours from the time of hospitalization a person should be examined by the committee of psychiatrists to make a decision about advisability of such hospitalization².

If the hospitalization recognized as reasonable, the representative of the medical institution, in which the person is, within 24 hours send to the court at the location of the institution a statement of hospitalization of a person to a psychiatric institution compulsorily indicating the period

---

¹ *M. v. Ukraine* (just satisfaction), no. 2452/04, ECHR

² See: Мінченко, Р. М. (2010). *Окреме провадження в цивільному процесі України: навчальний посібник*. Одеса: Фенікс, 182 – 184.

of such assistance. The court considered specified statement within 24 hours after receiving it by the court.

In the case of “*Stork v. Germany*” the Court notes that the term of imprisonment includes an objective element (limitation in space for a considerable period of time) and subjective element (lack of consent of the person for such restriction)¹. However detention of a person may violate Article 5, even when the person herself agreed to it². Consent of the person for admission to a psychiatric establishment for hospital treatment can be considered as valid for the purposes of the Convention only if there are sufficient and credible evidence that the mental ability of the person to give consent and understand its implications were objectively established during the fair and proper procedures and that all necessary information regarding of hospitalization and planned treatment is provided in an adequate way³.

Based on the abovementioned, the placement of an incapacitated person without his consent and in failing health reasons for it to consent to hospital treatment at the institution from which it cannot at any time to go out on his own, is equivalent to deprivation of liberty. The condition of the legality of detention “in order prescribed by law” requires a national law “fair and due process” and adequate legal protection against arbitrary imprisonment. In its judgment in the case “*Shtukaturova v. Russia*” the Court pointed out that in the context of the provisions of paragraph 1 of Article 5 of the Convention “at the base of the concept” a procedure prescribed by law “lies a fair and proper procedure, namely that the decision to take any action that deprives the person of his liberty is taken and implemented an authorized entity and not be arbitrary”. In other words, the detention cannot be considered “lawful” within the meaning subparagraph of paragraph 1 of Article 5, if the national process does not provide sufficient guarantees against the arbitrariness⁴.

From the content of art. 29 the Constitution of Ukraine implies that imprisonment is possible only upon a justified court decision and only on grounds prescribed by law. The hospitalization of incapacitated person to the psychiatric institution specified in Art. 13 of the Law Ukraine “On Psychiatric Care”, held at his request or by the guardian of the person for the resolution of a psychiatrist. In terms of Clause 1, Article. 5 of the Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, hospitalization of an incapacitated person to a psychiatric establishment

¹ *Stork v. Germany* (just satisfaction), no. 61603/00 ECHR.

² *Osypenko v. Ukraine* (just satisfaction), no. 4634/04 ECHR.

³ *M. v. Ukraine* (just satisfaction), no. 2452/04, ECHR.

⁴ *Stukaturov v. Russia* (just satisfaction), no. 44009/05 ECHR.

is deprivation of its liberty, because she kept in a confined space for a long time without her consent.

A similar provision is contained in the Federal Law “On Psychiatric Care and Guarantees of the rights of citizens under such care” of 2 July 1994. Decision of the Constitutional Court on the appeal of J. K. Gudkov, P. V. Shtukaturova, M. A. Yashina from the February 27, 2009 № 4-P of the abovementioned provision, indicating the possibility of hospitalization of an incapacitated person without his consent and substantiated court decision was declared unconstitutional¹.

The conducted research leads to the conclusion that the practice of the European Court of Human Rights aimed at ensuring the rights, freedoms and interests of individuals, regardless of their mental state. Ukrainian legislation at a decent level reflects the requirements and principles of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, but some questions are still as not corresponding to the practice of the European Court of Human Rights. Therefore, to ensure the rights, freedoms and interests of an incapacitated person which is given compulsory psychiatric care, it must be established a judicial procedure for reviewing cases on admission of that person without his or her written consent.

Bibliography:

---

1. Довідка прес-служби МОЗ України від 20 грудня 2013 року. *Офіційний сайт Міністерства охорони здоров'я України*. <http://www.moz.gov.ua/ua/portal/pre_20131220_n.html> (2014, май, 30).
2. Riedel, E. (2013). *Health, Rightto, International Protection*. Heidelbergand Oxford University Press.
3. Про ратифікацію Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року, Першого протоколу та протоколів № 2, 4, 7 та 11 до Конвенції (1997) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/475/97-%D0%B2%D1%80>> (2014, май, 30).
4. Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини. (2006) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3477-15>> (2014, май, 30).

---

¹ Дело о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 128 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной (постановление) № 4-П, КС РФ 2009. <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=85643>>

5. Конституція України, ст. 29 (1996) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>> (2014, май, 30).
6. *Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. as amended by Protocols No. 11 and No. 14* (adopted 4 November 1950, entered into force 3 September 1953) (Council of Europe) <<http://conventions.coe.int/treaty/en/treaties/html/005.htm>> (2014, май, 30).
7. Мінченко, Р. М. (2010). *Окреме провадження в цивільному процесі України: навчальний посібник*. Одеса: Фенікс.
8. *Stork v. Germany* (just satisfaction), no. 61603/00, ECHR.
9. *Osypenko v. Ukraine* (just satisfaction), no. 4634/04, ECHR.
10. *M. v. Ukraine* (just satisfaction), no. 2452/04, ECHR.
11. *Stukaturov v. Russia* (just satisfaction), no. 44009/05, ECHR.
12. Дело о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 128 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной (постановление) № 4-П, КС РФ 2009. <<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=85643>>.

Ирина Телелим, к. полит. н.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ (на примере США и Великобритании)

The liberal paradigm of state mechanism of modern societies is examined in the article. Its positive and negative indexes and consequences of embodiment are examined in political practice. As an example its practical application of political systems of countries of «civilization сосредоточия» of liberalism – Great Britain and USA are analyses. It is grounded, that liberal model of organization of the political system's activity of society follow to examine as a permanent process of bringing to conformity of function of administrative institutes to the requirements of external social environment.

Одной из характерных черт политических систем современных либеральных демократий выступает функционирование модели «рационализируемого» парламентаризма. Этим понятием, как правило, обозначают совокупность конституционных приемов и процедур, направленных на стимулирование деятельности правительства при сохранении основных черт парламентарной системы, включая законодательный контроль над правительственной политикой. Признаками упомянутой модели является: институционные и законодательные препятствия досрочному роспуску парламента; увеличение числа депутатов, необходимых для поднятия вопроса о доверии к правительству; увеличение срока между внесением вопроса о доверии и началом дебатов на этот счет и тому подобное¹.

Модель «рационализируемого парламентаризма» является современным отголоском традиционных опасений «классических» либералов. Так, Т. Джефферсон, как известно, выступал против наделения парламента чрезмерными полномочиями и «сильной» властью. Первым шагом во внедрении ее современного варианта было решение разделить законодательную власть (и, соответственно, суверенные полномочия) между двумя палатами. Таким образом состоялась инкорпорация внутренней конкуренции и контроля к структуре представительской власти, а также обеспечивалось повы-

---

¹ *Рационализованный парламентаризм* (2008). Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: ИНФРА-М, 632-633.

шение качества одобряемых (принимаемых) законов¹. Большинство современных законодательных собраний либеральной демократии являются бикамеральными и, конечно, наиболее известная среди них – система британского парламентаризма. Именно она нагляднее всего иллюстрирует диалектическую природу внутренней сбалансированности политической системы.

Анализ британского парламентаризма, ориентированный на сугубо формальные его признаки, может привести к ошибочному утверждению, что в Объединенном Королевстве реализован абсолютный суверенитет представительского заведения, который подчиняет и принцип верховенства права, и распределение ветви власти воли большинства в парламенте (что на практике означает господство действующего правительства, сформированного партией, которая получила большинство в Палате общин)². Но, при более детальном ознакомлении, любой беспристрастный исследователь британской системы внутренних институционных отношений будет вынужден учитывать и могущество интерпретационных полномочий судов, дополненное их эксклюзивной прерогативой объяснять и применять конкретные постановления в конкретных случаях. Поэтому, какой бы большой не была власть законодателей в Британии относительно принятия общих решений, конкретное их использование зависит от судебной власти³.

Традиционно, имея полномочия на рассмотрение и утверждение бюджетов, парламенты либеральных політій осуществляли, так называемую, «власть бумажника», корегуячи деятельность другой ветви власти через изменение ассигнований на их потребность⁴. Однако, сегодня общим трендом является постепенное уменьшение роли представительской структуры во внутреннем пространстве политической системы и, соответственно, усиление влияния структуры исполнительной власти. При таких условиях, некоторые исследователи (Г. Дарендорф, П. Бирнбаум, П. Авриль) все чаще констатируют кризис парламентской демократии, предлагают «опять выдумать парламент» как орган, который обеспечивал бы контроль за правительством. По мнению диссертанта, такой

¹ Жиро, Т. (2006). *Политология*. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 326.

² Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничій дім «Києво-Могилянська академія», 236.

³ Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничій дім «Києво-Могилянська академія», 22-23.

⁴ Павленко, Р. М. (2004). *Занепад парламенту*. Політичний енциклопедичний словник. 2-е вид., доп. і перероб. Київ: Генеза, 214.

«сдвиг» во влиянии и авторитетности парламентской структуры лишь частично можно объяснить вхождением либеральной политической системы к фазе «постдемократії». Более эвристически корректным кажется предложение о последующей эволюции внутренней институциональной среды западных політій в парадигмальных пределах модели поліархії. Результатом этой эволюции должен стать не демонтаж парламентской демократии, а приведение к соответствию системы представительства интересов процессам последующей плуралізації социальной структуры социумов «евроатлантического» ареала.

По мнению автора статьи, повышению внутренней адаптивности политической системы и степени их адекватности динамической природе общества немало способствовал неолібералізм. В политической плоскости, обновление либеральной парадигмы политической системы стимулировало осуществление перехода западных социумов от собственное государственного управления к управлению в более широком смысле, основными субъектами которого выступает государство, в соединении с некоторыми ключевыми элементами гражданского общества. Во время этого перехода, граница между корпоративным влиянием и государственным администрированием становится все более размытой (американская модель). Корпорация плодотворно сотрудничает с политической системой в подготовке законопроектов, определении общественной нормы, разработке законотворческой системы¹. Фиксируя эти фундаментальные изменения «традиционной» либеральной парадигмы, профессор британского университета Стратклайда Дж. Стокер констатирует, что отныне: «управление состоит из набора инструментов и партнеров, которые мобилизуются из правительства, но также и вне его пределов»².

Усиление роли правительственной структуры в функционировании либеральной политической системы объясняется, помимо остального, и характером процессов политической коммуникации, которые разворачиваются в их внутреннем и внешнем социальной среде. Как отмечает отечественный исследователь Г. Павленко, правительство имеет информационные и ресурсные преимущества над парламентом. Это находит отображение, в частности,

---

¹ Харви, Д. (2007). *Краткая история неоліберализма. Актуальное прочтение*. Москва: Поколение, 72.

² Медведев, Н. П. (2003). Политико-административное управление: современная теория и новые подходы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология*, 4, 5.

в законодательной работе – в целом, парламенты западной страны предлагают менее 50 % всех законопроектов. В США, например, 80 % всей законодательной инициативы – это правительственные предложения.

Очевидно, можно, по крайней мере частично, согласиться и с мнением последовательного критика неолиберализма Д. Харви в том, что новейшие либералы с большим подозрением относятся к принципам демократического врядування, воплощенному в структуре парламентаризму. Поэтому они более склонны передавать всю полноту власти экспертам и элите и уменьшать влияние на политическую систему посреднической структуры, отдавая прерогативу выявления закономерности экономического развития общества таким институтам, как Федеральная резервная система или МВФ¹. В таком случае, референтной моделью организации сферы Политического будет выступать меритократия, обіперта на жесткую вертикаль исполнительной власти.

Осознавая дискусійність сценарию развития событий, предлагаемого Д. Харви, своеобразным залогом против потери гуманистической составляющей либерального политического проекта диссертант считает независимость судебной ветви власти, призванной сдерживать авторитарные інтенції исполнительной и законодательной структуры.

В практике функционирования либеральной политической системы судебная независимость охватывает в то же время и личностную независимость судьи, и институционную независимость судебной системы как ветвь власти. Юрисдикция суда не зависит от единичной передачи парламентом наблюдательных полномочий в отдельном деле: обязанность присматривать за деятельностью исполнительной власти является частью «ординарной» функции суда в повседневном совершении правосудия. Именно благодаря константному присутствию судебного контроля и надзора за соблюдением институтами исполнительной и законодательной ветви власти нормы «должного врядування», судебная власть в либеральной демократии приобретает статус важного элемента политической системы. Особенного значения политическая роль судебной ветви власти дает о себе знать тогда, когда становится понятным, что согласие правительства лишь частично или случайным чином зависит от принятия законов народными избранниками. Тогда,

¹ Харви, Д. (2007). *Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение*. Москва: Поколение, 65

юридический прismsотр появляется весомым фактором обороны индивидуальной свободы¹.

Осуществляя свою конституционную функцию и приводя граждан под власть права, а не под суверенитет правительства или парламента, судебная ветвь власти обеспечивает защиту демократии как от тирании мажоритаризму, так и от «заговора меньшинств». Показательным в этом отношении можно считать дело: «Соединенные Штаты против Никсона», подтвердившее, что именно независимость суда устанавливает необходимые препятствия для выхода наивысших должностных лиц за пределы установленной юрисдикции. Рассматривая резонансное дело относительно вмешательства Президента США в ход избирательного процесса, Верховный суд постановил, что, хотя к протестам, поданным от имени Президента, следуют относиться «с большим уважением», которое отвечает природе его полномочий и привилегий, судьи, нельзя забывать о своей ответственности перед законом»².

Не менее важной функцией, которая усиливает статус суда как элемента политической системы либеральной демократии, является осуществляемая им защита фундаментальной свободы человека, которая предоставляется ей еще в «дополитическом состоянии» социума. Следует обратить внимание и на то, что сам алгоритм деятельности судебной ветви власти в западной демократии испытывает постоянную коррекцию, совершенствование, не оставаясь в ортодоксальной ориентации на ценностный код «традиционного» либерализма. Так, принятый в 1998 году в Великобритании «Акт о правах человека» побуждает британского судью объяснять законодательство в соответствии с гарантией, предоставленной Европейской конвенцией прав человека настолько, насколько это является возможным. Т. Аллан отмечает, что новый британский билль о правах повышает уровень судебной защиты гражданских прав, присущий современному конституционному государству, в то же время сохраняет парламентский суверенитет в его традиционном понимании³. Действительно, в том, что касается конституционной законности, парламент может быть суверенным, но в сфере конституционной практики он передает значительную часть властных

---

¹ Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 120.

² Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 195.

³ Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 264.

полномочий судебной системе. Новое расположение сил служит, таким образом, обеспечению сохранения либерального характера британского политического сообщества.

Но, вместе с тем, не следует игнорировать и тот факт, что система двойного (а в случае с США – тройного) суверенитета ведущих институтов политической системы делает невозможным и возникновение феномена «тирании суда». Ведь слишком экспансивная доктрина слушаний и неоправданное вторжение суда в область политики исказила бы функциональную нагрузку этой ветви власти, превратив ее в орган планирования деятельности как правительства, так и парламента.

В данном контексте нельзя оставить без внимания и понятие «умеренный этатизм». Как известно, государство для либералов выступает в статусе особенной политической ценности и орудия для практического воплощения предлагаемого ими проекта обустройства социальности. В измерении реальной политики Западной Европы, после Второй мировой войны все формы государственного устройства были максимально приближены друг к другу по своей функциональной нагрузке: основным заданием центрального института политической системы являлось обеспечение полной занятости, поддержка экономического роста и благосостояния граждан. Параллельно, а иногда и в комплексе с государственной властью, допускалось использование рыночных процессов ради достижения определенной цели. Государство активно вмешивалось в промышленную политику и определяло уровень социального благосостояния, создавая систему социального обеспечения – «встроенный либерализм» (по терминологии Д. Харви). Однако, уже в конце 60-х годов XX ст. государство в странах «евроатлантического» ареала превратилось в поле противоборства классовых интересов и начало развиваться хаотически. Оказалось, в частности, что даже «идеальное» либеральное государство как политическое образование может быть нестабильным за формой и противоречивой по содержанию. В это время в Европе уже появилось мнение вначале аналитиков, а затем и практиков, что главная проблема «либеральной ойкумены» могла быть решена с помощью последующей экспансии «государства общего благосостояния», а именно – радикального сокращения социальной функции государства. Маятник либерального дискурса радикально наклонился справа. Однако, даже динамика структурно функциональных изменений, которые объективно сопровождали процессы глобализации, не давала существенных оснований для констатации об установлении «господства без политики». Тем

более, с точки зрения либералов, абсурдными были заявления левацких критиков о гибели государства, ибо оно, наряду со многими другими организациями, производит то, что экономисты называют «общественными благами», – блага, которыми пользуются все члены политического сообщества, независимо от того, сколько усилий каждый из них вложил в работу этого «совместного предприятия». Эксклюзивной продукцией государства, исходя из этой точки зрения, является обороноспособность страны и общественная безопасность. Эти важные блага предоставляются гражданам лишь в результате их членства в «политическом проекте»¹.

Сфера компетенции государства в новых условиях глобализующего развития была конкретизирована в пределах так называемого «Вашингтонского консенсуса». Функции государства, по этому «консенсусум», заключаются в следующем. В экономической сфере – содействие либерализации процентной ставки по кредитам; проведение процессов приватизации и дерегуляції предпринимательской деятельности; открытие национальной экономики для иностранных инвестиций. В области социальной политики – сохранение в стране развитой системы гарантирования целевой государственной помощи и неприкосновенности права частной собственности. В политической сфере шла речь о повышении прозрачности власти, реальной гарантии свободы слова и деятельности СМИ, внедрения эффективной некоррупцированной системы правосудия, развитой сети предоставления общественных услуг и т. п.

Таким образом, с точки зрения сторонников политической программы «нового либерализма», приватизация, дерегуляция и конкуренция дадут возможность уничтожить бюрократические барьеры, повысить эффективность, улучшить качество государственных услуг и снизить расходы для «конечных потребителей» – граждан. Неолиберальное государство должно настойчиво проводить внутреннюю реорганизацию и формировать новые институты, которые помогут улучшить ее конкурентную позицию по отношению к другим политическим системам на глобальном рынке.

Безусловно, «Вашингтонский консенсус» – это лишь общая программа действий, которая нуждается в конкретизации в национальной социокультурной и политической среде. Именно она определяет, например, значение госсектора экономики для конкретной страны. Так, например, в течение последних десятилетий японский

---

¹ Фукуяма, Ф. (2008). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ-Москва, 260.

показатель части госсектора в ВВП был самым низким среди стран – членов Организации экономического сотрудничества. Однако, именно государство было автором послевоенного японского «экономического чуда». Ведущую роль в экономическом росте здесь играло Министерство международной торговли и промышленности.

В странах «цивилизационного сосредоточия» либерализма – Великобритании и США – попытка переформатирования алгоритма функционирования государства сопровождалась значительными спорами. Так, например, в США – стране, которая, в отличие от политической континентальной Европы, с их трендами дифференциации функций и централизации власти, продолжала тенденцию ее распределения и слияния функций. Здесь в начале 90-х годов XX ст. развернулась острая дискуссия между сторонниками «рыночной парадигмы» и «меркантилистами» по поводу перспектив либерального этатизма. Первые (А. Гринспен, Дж. Вильямсон) отмечали принятие рецептов «Вашингтонского консенсуса». Вторые (Ч. Джонсон, К. Престовиц) считали, что правительство способно играть решающую хозяйственную роль, и большинство стран мира за пределами США руководствуются принципами, значительно отдаленными от неоклассических императивов. Этот «интеллектуальный раскол» американских аналитиков, несмотря на его практическую необоснованность, не обусловил возвращения американского государства к формуле, предлагаемой Т. Джефферсоном – то правительство является наилучшим, которое руководит менее всего. И сегодня государство продолжает быть наибольшим работодателем, а также самым масштабным реципиентом благ, в пределах политического сообщества США. В стране, где уровень государственного вмешательства в экономику является сравнительно небольшим, работает 2 500 000 госслужащих. Для сравнения: в Великобритании аналогичный показатель достигает 560 000 чел., без учета персонала, который руководит национализированной промышленностью¹.

Своеобразным проявлением этатизма современного неолиберализма является и тот факт, что и в Великобритании, и в США государство продолжает пользоваться своим правом вмешиваться в право индивидов жить своей жизнью и в соответствии со своими желаниями. Хотя это и объясняется необходимостью поддержки баланса между личными интересами индивиду и общими интересами сообщества, такие документы, как, например, «Патриотический

¹ Жиро, Т. (2006). *Политология*. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 238.

Акт» в США, расцениваются правозащитниками как откровенное нарушение гражданских прав¹.

Проанализирована основная составляющая либеральной модели обустройства политической системы общества, дают возможность в практическом измерении охарактеризовать ее как институционно сбалансированную социально-кибернетическую целостность, наделенную атрибутами рефлексивности (функция «входа»), управляемости (рациональный внутренний дизайн), эффективности (функция «выхода») и т. п.

Эта фундаментальная характеристика «эталонной» либеральной политической системы проявляется наиболее рельефно в сравнении с теми политиями, которые пошли путем миксации собственно либеральных принципов функционирования государства с теоретическими постулатами других, конкурирующих парадигм. Показательным, с точки зрения автора статьи, является опыт функционирования политической системы Германии.

По сугубо формальным признакам, политическая система современной ФРГ почти полностью отвечает основным параметрам классической либеральной парадигмы – четко реализованный принцип распределения власти; степень ее деконцентрации на всех уровнях политической системы приближается к допустимому максимуму; независимость судебной системы является бесспорной – Федеральный конституционный суд контролирует парламент, осуществляет конституционное внедрение и контроль. Принципы функционирования исполнительной власти в Германии тоже в определенной степени приближены к неолиберальным – правительство представляет собой разновидность «комитета», который назначается парламентским большинством. При этом, парламент выполняет свою конституционную функцию сугубо «либеральным» способом: законы, фактически, принимает не парламент в целом, а блок, который существует между парламентской фракцией большинства и правительством². Но на этом «классический» немецкий либерализм заканчивается, подтверждая тезис Ф. Фукуями о том, что либерально-демократическая политическая система и рыночно ориентированная экономика сами по себе, не превращают никакую страну на США : «культура страны – это более, чем сумма политических и экономических институтов»³. «Классичность» немецкого

---

¹ Аллан, Т. Р. С. (2008). *Конституційна справедливість. Ліберальна теорія верховенства права*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 351.

² Рормозер, Г. (1996). *Кризис либерализма*. Москва, 30.

³ Фукуяма, Ф. (2008). *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ-Москва, 523.

либерализма нивелируется с учетом того, что правящий класс и государство ФРГ традиционно характеризовались высокой степенью патернализма в отношениях с «непривилегированной» прослойкой общества. Начиная со времен О. фон Бисмарка, немцы жили в парадигме «государства благосостояния», которое постоянно осуществляло перераспределение материальных благ таким образом, чтобы каждый человек в стране мог рассчитывать на удовлетворение ее социальной потребности. Труд в Германии стоил чрезвычайно дорого, а работодатели были обременены принудительными расходами. Большинство социальных льгот были закреплены законодательно и контролировались на разных уровнях государством. Соответственно, во время неминуемых экономических спадов диктат государства становился чрезвычайно заметным.

По мнению Г. Рормозера, «ФРГ реализовывала идею марксизма даже в большей степени, чем любая страна Запада, не говоря уже о политике реального социализма»¹. Фатальной ошибкой немецкой элиты было глубокое убеждение в том, что, реализованная в стране модель функционирования политической системы является наивысшим достижением истории человечества (в то же время как, по сути, это был обычный временный компромисс разнообразных социальных требований). Ошибочность позиции открылась лишь тогда, когда «государство благоденствия» начало забирать для себя половину национального ВВП. Уже к середине 90-х годов прошлого столетия расширение «теневых рынков» труда, который функционировал во ФРГ в объеме 130-180 млрд. марки, был вызван тем, что люди «убегали от социального государства»². Поддержка последнего стоила около 1000 млрд. марки на год. Попытка правящей социал-демократической партии Германии провести структурную реформу без отказа от модели «социального государства» ощутимых результатов не дала. Адекватным ответом на этот фундаментальный вызов общественно-политической системе Германии стала программа неолиберальных превращений, предложенная ХДС-ХСС во главе с А. Меркель.

Приведенный пример присоединения Германии к либеральной парадигме обустройства социально-политической действительности является доказательством того, что, на сегодня, именно она демонстрирует свою наибольшую эффективность. Однако, этап рецепции либеральной парадигмы функционирования политической системы стимулирует и к выявлению ее первоочередных недостатков.

¹ Рормозер, Г. (1996). *Кризис либерализма*. Москва, 9.

² Рормозер, Г. (1996). *Кризис либерализма*. Москва, 53.

К наиболее фундаментальным из них следуют отнести следующие:

1. Управленческая дилемма неолиберальных систем : сравнительно низкая эффективность и деятельность отдельных структур государственного аппарата, которая происходит на уровне минимального риска санкции, стимулируя деятельность контрольных институтов. В свою очередь, усиление контроля понижает мораль и мотивацию служащих. Попытка либеральных политий укротить явления бюрократизма путем внедрения методики «менеджеральной революции» пока еще не дала ощутимых результатов;

2. Картелизация рынка политических решений. Активное привлечение корпоративных бизнес-агентов к процессам формирования и реализации политической воли в неолиберальных системах приводит к возобновлению классового характера функционирования государства. По мнению Й. Шумпетера, на рынке политического «товара» сформировались союзы «товаропроизводителей» – большая политическая партия и «ассоциация потребителей» – объединение предпринимателей, группировка лоббизма и т. п. Результатом стало превращение политической системы либеральной демократии в олигополистичный рынок¹. Учитывая недоверие либерального государства к любой ассоциации, которая препятствует процессу накопления капитала, возможность «рядовых» граждан донести свою волю в такой политической системе значительно уменьшается;

3. Анонимность политических решений. Растущая непрозрачность рынка политических решений для структуры гражданского общества, возможно, и влияет положительно на скорость менеджерской деятельности государственных институтов, но ставит под сомнение признаки демократичности управленческой системы в целом.

Однако основным вызовом для либеральной парадигмы организации деятельности государства и функционирования общества является растущее среди европейских интеллектуалов ощущение того, что основная программа либерализма выполнена. А это, в свою очередь, обуславливает возвращение к вопросу о формуле политической модерности в Европе, с ценностной системой которой социумы могли бы сверять алгоритмы собственного развития и определять функционирование собственной специализированной подсистемы.

---

¹ Каменская, Г. В., Радионов, А. Н. (1994). *Политические системы современности*. Москва: Онега, 63.

Таким образом, либеральную модель организации деятельности политической системы общества следует рассматривать как постоянный процесс приведения в соответствие функции управленческих институтов требованиям внешней социальной среды. Длительная эволюция управленческой иерархии, пройденная такими странами как США и Великобритания в течение модерного периода их истории, убедительно свидетельствует в интересах высокой эффективности реализации либерального алгоритма взаимоотношений государства и социума, институциональным измерением которых, собственно, и стали политические системы этих стран.

Анна Кравец, к. полит. н.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ДОМИНИРОВАНИЕ ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ СЕТЕВОЙ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

A political process as type of social process which characterizes as mechanism of action of the society's political system, political consciousness, political culture and other. Representing reality of society, a political process comes forward the aggregate of results of interlacing of various examples of political conduct of social community, task forces and citizens, activity of imperious organs and structures, on the combined action of which permanent influence appears both from outside and inwardly system.

Basis of structure of political process consists of co-operation of political relations between his participants and political activity. The features of modern epoch, which are characterized prevailing of horizontal network form of organization of mutual relations, are reflected properly and on relations into a political process, which is characterized obligatoriness of receipt of imperious legitimate plenary powers in relation to realization of certain actions in behalf of all society, or his part, if the question is about a local political process. Political activity as constituent of political process, characterized the orientation of actions of political actors in relation to a change or development of the political system.

Рассматривая политические институты как универсальную категорию политической науки и политической практики, необходимо начать с анализа субъектов политического процесса, ибо основным из них и являются собственно политические институты

Апеллирование к политическим институтам, общественным организациям, отдельным индивидам или социальным группам, которые вовлечены в политический процесс, требует их уточнения и классификации. Детальную модель, которая описывает функции институтов в политическом процессе, разработали Г. Алмонд и Г. Пауэл. Они выделяют пять основных функциональных фаз развертывания политической динамики и соответствующих им носителей в виде институтов, которые преимущественно связаны с осуществлением той или иной функции в политическом процессе.

На первой фазе артикуляции индивидуальных и групповых интересов носителем функций их выражения выступают групповые объединения (группы интересов). Следующая стадия и соответствующая ей функция агрегирования интересов связана уже преимущественно с деятельностью политических партий. Здесь происходит селекция и объединение в единую партийно-политическую

позицию достаточно полярных интересов разнообразных индивидов и групп. На этапе разработки политического курса интегративную роль играют представительские и законодательные институты, которые формируют коллективные решения.

Стадия реализации принятых решений связана главным образом с функционированием институтов исполнительной власти, которые организуют соответствующие мероприятия и находят необходимые для этого ресурсы. Именно на этом этапе достаточно часто случаются ситуации, когда за популистские решения, одобренные одними особами, расплачиваются их исполнители и подчиненные.

Стадия контроля и арбитража в рамках политического процесса относится к деятельности институтов судебного и конституционного присмотра, которые выполняют функции устранения расхождений между другими организациями и группами на основе признанных всеми норм¹.

Следовательно, в этой концепции каждый институт играет в целостной системе свою особую роль. Стоит подчеркнуть, что политические институты, в качестве примера применения институционализма к анализу политической системы, внутри которой происходит политический процесс, уступают место другому научному подходу – сетевому, который способен охватить всех участников политического процесса, которые не попали в орбиту внимания институционализма.

Т. Берцель считает, что «в ситуации растущей взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок, не способны служить эффективной моделью координации интересов и ресурсов субъектов, включенных в процесс принятия политических решений, и именно поэтому доминантной моделью управления становится политическая сеть»². Она обладает определенными характеристиками, которые отличают ее от других форм управленческой деятельности. Так, Л. Сморгунув выделяет, по меньшей мере, пять особенностей и преимуществ политических сетей. Во-первых, они являют собой такую структуру управления публичными делами, которая описывается как множественное число разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, которые имеют определенный общий интерес. Необходимо отметить, что принципиальное значение имеет тот

¹ Цыганков, А. П. (1995). *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. Москва: Интерпракс, 153-155.

² Сморгунув, Л. В. (2011). Сетевой подход к политике и управлению. *Политические исследования*, 3, 107.

факт, что это не просто круг, система акторов, а именно то, что их объединяет одна общая цель – благосостояние общества в целом и каждого ее члена в отдельности.

Во-вторых, политическая сеть складывается для разработки общих решений в процессе обмена ресурсами, которыми владеют акторы. Это значит, что последние заинтересованы друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неодинаково, неравномерно, но, невзирая на расхождения в степени обеспеченности ресурсами, все участники сети вынуждены вступать во взаимодействие.

В-третьих, важным элементом политической сети выступает общий корпоративный интерес. Многие исследователи делают акцент именно на этой характеристике, поскольку она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует, прежде всего, свой собственный интерес.

В-четвертых, участники сети не образуют иерархию : с точки зрения возможности формирования общего решения по решениям назревшим из проблем и вопросов, в которых все заинтересованы, они все равны. Иначе говоря, здесь наблюдаются не вертикальные, а горизонтальные отношения.

В-пятых, сеть – это договорная структура, которая состоит из набора контрактов, основанных на согласованных формальных и неформальных правилах коммуникации¹. В политической сети необходимы культура поведения, умение вести переговоры, культура консенсуса и толерантность.

В целом, такая сеть является системой государственных и негосударственных образований в определенных сферах политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения взаимопонимания в общем для всех политическом вопросе, используя при этом формальные и неформальные нормы.

Таким образом, политическая сеть выступает в качестве научного инструмента анализа неустойчивости и открытости при взаимодействии большого количества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием. Но наиболее весомым следствием применения сетевых организационных форм в политической сфере является то, что они приводят к появлению новых политических субъектов в политической системе мира.

---

¹ Сморгун, Л. В. (2011). Сетевой подход к политике и управлению. *Политические исследования*, 3, 103-105.

Новые организационные схемы и технологии при определенном стечении обстоятельств могут подрывать прежние институты, изменяя привычные проявления власти. Начинает прослеживаться тенденция маргинализации всего корпуса «легальной власти», национальной публичной политики, ее отчуждения от решения ряда ключевых вопросов, подмена социальной регуляции альтернативной системой, властью «неформальной», транснациональной, геоэкономической. «Параллельно происходит естественная в этих условиях экспансия сетевых структур – разнообразного конгломерата «амбициозной» корпорации, социальных, политических, экономических, культурных организмов. В их кругу могут оказаться клубы с различными уровнями влияния и компетенции, разнообразные религиозные и квазирелигиозные организации, глобалистские и антиглобалистские структуры, наконец, всяческие асоциальные, террористические организации, весь пестрый и эклектический мировой андеграунд»¹.

Среди новых форм социальной организации, нового поколения квазиполитических организмов, современные социологи выделяют два отрасли, которые различаются достаточно заметно. Одна из их связана с процессом экономической транснационализации, которая резко усилилась еще в конце XIX ст. с выходом индустриальных активов государств за пределы национальной территории, что повлекло появление транснациональных корпораций, банков, других аналогичных образований, и, наконец, оформления контуров геоэкономического миропорядка.

Другая тенденция связана с формированием в рамках постиндустриального уклада динамической и квазиэкономической культуры амбициозных корпораций, которые сегодня выступают как действующие агенты изменений и имеют собственно историческую целенаправленность. Последние возникли, по мнению А. Неклесси, в результате существования параллельного с глобализацией процесса индивидуализации: становление энергичной, полифонической личности или групп, владеющих доступом к финансовым, организационным, техническим, технологическим рычагам индустриального и постиндустриального уклада, которых люди раньше никогда не имели. Деятельные молекулы этой социальной субстанции создают пластичные и перспективные организационно-деятельные конфигурации. Эти разного рода амбициозные корпорации – экономические

¹ *Економіка знань: виклики глобалізації та Україна* (2009). Київ: Вид-во НІСД, 230.

и трансэкономические, глобальные диаспоры, международные неправительственные организации, клубы различного генезиса, рода деятельности и пропорции, криминальные консорциумы и т. д. – все они составляют новую пластичную ойкумену, картография которой выходит далеко за пределы традиционной административно-политической карты¹.

В политической теории это обуславливает невозможным традиционное разделение на «субъект – объект» при анализе политического процесса. Более удачным считается термин «политический актор», который широко используется политической наукой. Исследователи современных политических процессов считают, что «политические и экономические акторы в новых демократиях, вместо соблюдения формальных правил, нередко отдают предпочтение неформальным нормам и практикам. Функционированию молодых институтов препятствует «длинная рука прошлого», которая досталась нам в наследство от авторитарного управления и может в случае преимуществ неформальных практик привести обратно к автократии»².

Термин «политический актор» (actor, acteur) введен в терминологию политической науки французский конструктивист П. Бурдьё и определил его как носителя политических отношений, который актуализируется в многомерном пространстве «политического поля», выступающего в виде совокупности действующих в нем сил и контролируемых ими видов ресурсов (капиталов) : экономических, социальных, символических, культурных и т. д.

Возникает необходимость в классификации политических акторов – участников политического процесса. В качестве примера выбрана классификация, предложенная американскими политологами Г. Алмондом и Г. Пауэлом. На сегодняшний день данная классификация акторов политического процесса считается наиболее системной и вмещающей всех акторов политики. Так, всех агентов политических отношений они разделяют на следующие группы:

1. Аномичные (от франц. *anomie* – буквально – «беззаконие») – это спонтанно и эпизодически образованные группы. К таким относят участников бунтов, забастовок, манифестаций и других стихийных выступлений.

2. Неассоциативные – объединения людей, которые в основном имеют непосредственный персональный контакт, неформальные

¹ *Мегатренды мирового развития* (2001). Москва: Экономика, 119.

² Меркель, В., Круассан, А. (2007). Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях. *Политические исследования*, 1, 37.

связи, но не имеют четкой организационной структуры. К ним относятся группы потребителей, образованные для пикетирования компаний товаропроизводителей, корпоративно-плановые и неформальные, этноконфесийные группировки и др.

3. Ассоциативные – легально существующие объединения и ассоциации, которые имеют организационную структуру и аппарат, выражающий те или иные частные интересы. К ним относят профессиональные (профсоюзы), этнически организованные национальные движения, демографические (женские, молодежные, детские), ветеранские и другие организации.

4. Институционные группы – это группы людей, существующие внутри формальных структур социально-политических институтов (партии, армии, бюрократия и др.). Они традиционно имеют большую возможность контролировать те или иные ресурсы. Это могут быть ведомственные корпорации бюрократов, работающих в отраслевых департаментах и министерствах, депутатские группы и фракции и др.

5. Индивидуальные акторы, но зона автономной активности индивида, как политического актора, по сравнению с деятельностью предыдущих групп акторов достаточно ограничена. Таким образом, все чаще в политике выходят, что «один в поле не воин»¹.

Политический процесс, по мнению А. Дегтярева, проявляется и как изменения состояний, которые характеризуются разным соотношением сил, переходом от равновесия между ими к дисбалансу и установлению нового равновесия, от состояния постоянства к непостоянству, и наоборот. Состояние равновесия силы, его постоянство или непостоянство оказываются существенным параметром развертывания политического процесса².

Макрополитический процесс, как уже отмечалось, складывается из многочисленных микропроцессов, но их вычленение в структуре макропроцесса может происходить не только по географическому фактору. Б. Кухта предлагает в структуре макропроцесса выделять субпроцессы, связанные с деятельностью отдельных политических акторов. Так, в структуре демократического процесса можно выделить такие субпроцессы, как: предвыборный, то есть связанный с процедурой избрания на должность; агитационный, формирование и функционирование политических партий, непосредственное

¹ Цыганков, А. П. (1995). *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. Москва: Интерпракс, 186-187.

² Дегтярев, А. А. (2006). Политическая власть как регулятивный механизм социального общения. *Политические исследования*, 3, 178.

участие граждан в процессе принятия решений и т. п. То есть, при анализе политического процесса необходимо учитывать как общий результат, так и микрорезультаты (как результат деятельности микропроцессов).

Для того, чтобы исследовать активность отдельных политических акторов, которые формируют целостный политический процесс, А. Цыганков предлагает применять следующие показатели: (1) потенциал и статус акторов; (2) тип их действий; (3) способ взаимодействия между ими¹.

Кратко остановимся на характеристике потенциала политических акторов. Во-первых, они классифицируются от аномических к институционализированным (согласно Г. Алмонда и Г. Пауэла). Во-вторых, степень организованности, мобилизованности и осознания группового действия. Например, некоторые небольшие, но хорошо иерархизованные партии иногда достигают гораздо лучших результатов, чем аморфные социальные движения. И, в-третьих, эффективность деятельности актора зависит от уровня контроля и объема доступных ему ресурсов (материальных, информационных, человеческих и т. д.).

Другой параметр анализа активности акторов политического процесса – возможные формы и типы действий, связанные с характеристикой тех средств, форм и методов политической борьбы, которыми пользуются эти акторы.

Во-первых, могут быть легальные или нелегальные, официальные или неофициальные средства, то есть форма политической борьбы, которая анализируется через призму действующего законодательства. Это, например, разрешенные законом митинги, демонстрации, пикетирования, или такие запрещенные методы политической борьбы, как террор, путч, вооруженное восстание, а также новейшая форма давления – политическое рейдерство.

Во-вторых, виды политической активности граждан и их групп могут подразделяться на насильственные и ненасильственные, то есть форма борьбы, связанная с открытым приложением силы (гражданская война, силовое вмешательство и т. п.), или же средства, которые опираются на убеждения и авторитет (манипулирование общественным мнением, бюрократические методы регуляции и тому подобное).

---

¹ Цыганков, А. П. (1995). *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. Москва: Интерпракс, 156.

В-третьих, парламентская форма активности, связанная с функционированием органов представительской власти, отличается от таких способов прямого, внепарламентского действия, как уличная манифестация.

Третий показатель активности политических акторов связан со способами и типами взаимодействия между ими. Взаимосвязанные действия разнообразных политических акторов формируют более-менее устоявшиеся взаимодействия и отношения между ними. Существует множество оттенков политических взаимодействий. Так, польский политолог Томас Жиро насчитывает 13 наиболее часто встречающихся в современной практике форм и методов, выделяя консенсус как наиболее желаемый. Однако, по его мнению, конфронтация оказывается типичным видом взаимодействия для большинства стран постсоветского пространства¹.

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой типичные формы взаимодействия можно свести к следующим пяти : конфронтация, нейтралитет, компромисс, союз и консенсус. За основу такого деления взят принцип соотношения социальных интересов и политических позиций взаимодействующих акторов. В результате все акции и интеракции, действия и взаимодействия складываются в единый поток политического процесса, каждое состояние которого характеризуется определенным расположением и соотношением социально-политических сил.

Таким образом, анализ современного политического процесса в рамках политической науки позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, политический процесс является видом социального процесса, который характеризует, прежде всего, механизм действия политической системы общества, политическое сознание, политическую культуру и т. п. Отобразив реальность общества, политический процесс выступает совокупностью результатов переплетения разнообразных примеров политического поведения социальных общностей, социальных групп и граждан, деятельности властных органов и структур, на совокупное действие которых оказывается постоянное влияние как из вне, так и внутри системы.

Во-вторых, основа структуры политического процесса складывается из взаимодействия политических отношений между его участниками и политической деятельностью. Особенности современной эпохи, которые характеризуются доминированием горизонтальной сетевой формы организации взаимоотношений, отражаются

¹ Жиро, Т. (2006). *Политология*. Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 90-129.

соответствующим образом и на отношениях внутри политического процесса, который характеризуется мережевостью и обязательностью получения властных легитимных полномочий относительно осуществления определенных действий в интересах всего общества, или его части, если речь идет о локальном политическом процессе. Политическая деятельность как составляющая политического процесса, характеризуется направленностью действий политических акторов относительно изменения или развития политической системы в целом.

В-третьих, политический процесс имеет двухуровневую структуру: первый уровень представляет собой официальные акты и действия, которые нормативно определяют расположение политической силы и характер их деятельности, а второй уровень – это неофициальные взаимодействия политических акторов относительно доступа к ресурсам и рычагам власти.

Если интегрировать все основные характеристики, то к числу основных компонентов, необходимых для моделирования и интерпретации политического процесса, входят следующие его параметры: факторы (или среда); акторы или участники; их действия и взаимодействия; нормы, которые регулируют отношения; уровень равновесия и, наконец, континуум (пространство и время) зоны его протекания.

Юрий Маслов, к. э. н.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА В ОСОБУЮ ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ СУБЪЕКТНОСТЬ

The analysis of the historical background to form a new regional geopolitical subjectivity, which is formed by the countries of Central and Eastern Europe. XX century is isolated among them as a century of significant transformations, the most important of which were the integration processes in the 40s, associated with the unit of socialist countries formation, and European integration processes in the 90s. They ended full entry CEE in the EU and the reunification of Europe.

Политика XXI века, по мнению многих политологов, будет моделироваться политикой регионов и отношений между ними, проявляясь как во внешней, так и во внутренней политике каждой из стран, входящей в региональное содружество. Наиболее значимыми региональными центрами социально-политических и торгово-экономических связей на территории Евразии как континента являются Европейский Союз (ЕС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество независимых государств (СНГ) и др. Кроме этих содружеств активно позиционируют себя в политическом процессе и регионы, представляющие собой некую социально-политическую идентичность в силу общего географического месторасположения и исторического прошлого – страны Вышеградской группы, страны Центральной и Восточной Европы, Балканские государства и т.д.

В региональные объединения входят неодинаковые по уровню развития государства, при этом динамичной трансформации подвергаются как сами регионы, так и отношения между ними. Как отметил президент Словакии Р. Шустер, «приграничные области становятся связующим звеном, а граница является местом, где люди и государства протягивают друг другу руки для сотрудничества. В Европе границы существуют уже не для разделения, а, наоборот, для объединения»¹.

¹ Цит. по: Гайдукевич, Л. Страны ЦВЕ на пути в Евросоюз и проблемы регионального сотрудничества. *Белорусский журнал международного права и*

Вопросы места и роли отдельных регионов в современном политическом процессе поднимали в своих работах ряд ученых, политических деятелей, таких, как Б. Балаш, Ф. Бродель, В. Гавел, Б. Геремик, Л. Зидентоп, В. Конобеев, А. Тойнби, Р. Шустер и др. Региональные аспекты трансформаций системы власти и демократического транзита рассматривали В. Горбатенко, О. Долженков, А. Музыченко, С. Наумкина, В. Романюк, С. Ростецкая и др. Но при всем изобилии научных трудов и политологических исследований региональных аспектов современного политического процесса, вопросы геополитической субъектности такого субрегиона, как страны Центральной и Восточной Европы, остаются мало изученными.

Данная статья посвящена анализу исторических предпосылок формирования в рамках Европейского пространства субрегиона – Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), претендующего на статус особой геополитической субъектности, основанной на географической, исторической, культурной и идеологической идентичности стран, входящих в него.

Центральноевропейский регион из историко-географического понятия начал трансформироваться в геополитическое измерение с конца 1989 г. – периода изменений границы Восточной Европы в связи с падением Берлинской стены, а завершился в 1990 г. с падением коммунистического режима Н. Ходжи в Албании и распада СССР.

К настоящему времени регион фактически оформился в качестве геополитического образования – регион стран ЦВЕ, соседствуя, с одной стороны, с регионом «Европейский союз», а с другой – с регионом «Содружество Независимых Государств».

Если взглянуть на данное географическое пространство в более широкой исторической перспективе, то окажется, что государства этого региона имеют весьма непростую историю сосуществования, оказывающую в настоящее время ощутимое влияние на их внутреннюю и внешнюю политику, формируя некую уникальную субрегиональную идентичность стран ЦВЕ.

Во-первых, восточноевропейский мир незаслуженно обделялся вниманием ведущих геополитиков практически на протяжении всего XX века, которые не признавали его как субъект мирового политического процесса. Во-вторых, в течение того же XX века изучаемый субрегион дважды подвергался кардинальным трансформациям.

международных отношений. <<http://evolutio.info/content/view/647/55>> (2014, май, 14).

В подтверждение тезиса о незаслуженном исключении Восточной Европы как региона-участника политических преобразований на Европейском и мировом уровне, приведем аргумент, высказанный Кристофером Коукером в книге «Сумерки Запада», в которой причина «изоляции» восточноевропейского мира во многом возлагается на человеческий фактор, а именно связывается с действиями первого геополитика англоязычного мира Халфорда Маккиндера, который рассматривая в 1904 году экономические и социальные различия между Восточной и Западной Европой, выделил те из них, которые считал самыми важными. В лекции, прочитанной в Королевском географическом обществе и озаглавленной «Геополитический стержень истории», он отметил, что в XVI веке, когда европейцы отправились на запад – в Новый Свет, Россия повернула на восток, неся свои мощь и культуру в просторы Сибири. Народы восточной Европы им были упомянуты как отличные от европейцев индоевропейские племена – славяне. К исходу XX века Восточная Европа оказалась во власти Германии и России, двух держав, что привело к практически полному игнорированию восточноевропейского мира. Такой взгляд на Восточную Европу сохранялся до самого конца «холодной войны». Страны Центральной и Восточной Европы просто не попадали в поле зрения геополитиков, а для большинства историков Восток как важный политический организм просто не существовал¹.

Однако, абсолютизировать «вину» Х. Маккиндера в незаслуженной изоляции восточноевропейского мира не стоит. Такое отношение к Восточной Европе формировалось веками, по крупице формируя у представителей стран, входящих в этот регион, потенциальное желание доказать западному миру свою принадлежность к европейцам и их системе ценностей.

Вопрос, который задают жители Восточной Европы, вполне историчен – это вопрос о том, какое место они занимают в сознании Запада. Европа всегда была плодом своего исторического сознания, а не только единым культурным, географическим или экономическим образованием. «Европейской» Европу делает то, что она осознает свое собственное существование. И наоборот, невозможно говорить об азиатских ценностях или даже об Азии как о едином культурном образовании в силу того, что Азия не обладает целостностью даже в собственном сознании. Европа – обладает, и именно это делает ее европейской.

¹ Коукер, К. Сумерки Запада. *Журнальный зал*. <<http://magazines.russ.ru/inostran/2000/5/kouker-pr.html>> (2014, май, 14).

Свой вклад в исключении всей Восточной Европы из западного сознания внес Г. Гегель в книге «Философия истории», где утверждал, что лишь народ, который является существенной частью Истории, может считать себя исторически важным. Все другие лишены истории. Им нечего сказать миру. Их культуры имеют частное значение и существуют лишь внутри собственных географических границ. Гегель счел возможным разделаться со славянами несколькими короткими фразами: «Эти народы действительно основывали царства и вели активные войны с другими народами, которые они встречали на своем пути. Иногда они принимали участие в борьбе как авангард – как народ, занимающий промежуточное положение между христианской Европой и нехристианской Азией. Поляки даже освободили Вену от турок, и до определенной степени славяне были введены в сферу западного сознания. Тем не менее, все эти народы исключаются из нашего рассмотрения, потому что до сих пор они не фигурировали как независимый элемент тех исторических этапов, которые Разум прошел в мире»¹. Важнее всего, что многие восточноевропейские мыслители соглашались с Гегелем и, подвергая анализу свою историю, испытывали порой глубочайшее уныние. Это неуважение к собственной истории и месту народа в историческом и политическом процессе сохранилось и до сегодняшнего дня, иногда приобретая радикальную окраску, проявляющуюся в действиях радикально настроенной группы лиц, желающей доказать Европе и миру свое «европейство» и важность в мировом масштабе.

XX век вошел в историю данного субрегиона как период кардинальных трансформаций, к которым в странах ЦВЕ обращались дважды, кардинально меняя векторы политических, экономических и социокультурных связей.

Первая волна трансформаций была вызвана результатами Второй Мировой войны, когда в 1940-е гг. в этих странах произошел поворот от западной модели общественного развития к социалистической (или советской). Благодаря усилиям Советского Союза период до краха социалистической идеологии и кризиса коммунизма ознаменовался для данного региона как этап формирования (становления) новой региональной идентичности – восточноевропейской региональной идентичности в форме социалистического сотрудничества. Это был мир, отрезанный после 1945 года от Запада.

Раздел Европы вызвал тройную реакцию. Во-первых, упор стал делаться на отличия Восточной Европы от Запада. Во-вторых,

---

¹ См.: Гегель, Г. В. Ф. (1993). *Философия истории*. Санкт-Петербург: Наука, 234-276.

раздел Востока и Запада отрицался, и дело изображалось так, будто Восточная Европа, несмотря на политические различия, остается частью западной культурной традиции. Это была сомнительная тактика, лишавшая Центральную Европу самостоятельного интереса и собственного вклада в европейскую культуру, вклада, отличного от западного, но ничуть не менее европейского по своему характеру. Наконец, в-третьих, в 70-е годы стало ясно, что восточноевропейская культура является европейской, а не советской.

Восточная Европа оказалась «зажата» между двумя типами редукционизма: идеологического – проявившегося после 1945 года, и националистического – проявившегося ранее. На протяжении XX века и тот, и другой весьма прельщали интеллектуалов Центральной Европы, но, хотя и поздно, они поняли, что идеал, состоящий в том, чтобы быть частью Европы, не связан ни с тем, ни с другим, и что обрести легитимность можно лишь в языке и культуре. Малые нации склонны подчеркивать свою культурную самобытность. Если они выражают ее более горячо, чем, скажем, немцы и французы, то лишь потому, что опасность исчезновения или вымирания была для них в прошлом реальной угрозой. Большим культурам это неведомо.

Крушение коммунистического режима и социалистической идеологии, распад СССР и нарастающая волна национального самосознания в странах Восточной Европы привела к новому этапу трансформации, которая началась с конца 80-х гг. XX в.

Динамика внутреннего развития и внешней политики стран ЦВЕ в 90-е годы определялась рядом факторов. Искусственность навязанных им коммунистических режимов предопределила не только стремительный распад последних в условиях ослабления блокового противостояния и отказа СССР от «доктрины Брежнева», но и относительно безболезненное расставание с коммунистической идеологией, переход бывших коммунистических рабочих партий на позиции социал-демократии. К началу 90-х годов после короткого периода дискуссий в этих странах сформировался более или менее широкий консенсус в отношении основных внутренних и внешнеполитических целей. Его суть сводится к определению путей реинтеграции стран ЦВЕ в Европу, под которой понимается вступление в Совет Европы, ЕС и ЗЕС, а также в НАТО. Различия между консервативными и левыми партиями, сменяющими друг друга у власти, касаются главным образом средств и методов достижения этой цели¹.

¹ См.: Наумкина, С. М. (2009). Головні проблеми «молодих» демократій на

На положении стран ЦВЕ и их внутреннем развитии в возрастающей степени сказывается ряд факторов. Во-первых, процесс реформ здесь оказался намного более сложным и продолжительным, чем это изначально прогнозировалось. Во-вторых, с течением времени все более рельефной становилась дифференциация стран ЦВЕ с точки зрения прогресса в осуществлении политических и экономических реформ. Оба эти обстоятельства определяют наметившиеся различия как в темпах, так и в перспективах реинтеграции в Европу отдельных стран ЦВЕ.

Наследие плановой экономики, сложности, обусловленные комплексным характером преобразований, а также сравнительно низкий уровень экономического развития относятся к числу основных проблем в осуществлении реформ в странах ЦВЕ. На проводимых преобразованиях негативно сказывается наследие коммунизма: дефицит власти, неразвитость гражданского общества, отсутствие устойчивых ценностных ориентиров. Проведение системной и структурной реформ экономики осложняется прочностью позиций бюрократии и групп интересов. Порожденные прежней системой стереотипы поведения – патернализм, уравниловка и др. – мешают утверждению новой модели экономического поведения. Необходимость структурной реформы экономики предопределяла неизбежность социального шока при любом варианте проведения преобразований. Немало сложностей порождает одновременное осуществление перехода к рыночной экономике и преобразования политической системы.

Отсталость в развитии усугублялась начавшимся после 1989 г. и связанным с процессами трансформации спадом производства, хотя в странах ЦВЕ этот спад был значительно меньшим, чем в бывшем СССР, что предопределило относительно быстрое возобновление экономического роста. Низкий уровень экономического развития, быстрый распад коммунистической системы, бремя старых проблем и спад производства явились, в свою очередь, причиной многих негативных социально-экономических процессов.

В ходе преобразований в странах ЦВЕ в зависимости от сочетания исходных предпосылок для проведения реформ, последовательности и целенаправленности проводившейся политики, а также внешних условий наметилась дифференциация государств региона во всех сферах преобразований. В зависимости от достигнутого прогресса в осуществлении политических и экономических

посткомуністичному просторі. *Наукове пізнання: методологія та технологія*, 2 (24), 54-58.

преобразований, а также экономического оздоровления в ЦВЕ выделяют две группы государств, хотя границы между этими группами подчас нечетки, а внутри каждой из них существует своя дифференциация. Пять государств ЦВЕ – Чешская Республика, Польша, Венгрия, Словакия и Словения считаются лидерами в осуществлении реформ. Остальные страны ЦВЕ (некоторые из них прилагают усилия, для того чтобы догнать группу лидеров) находятся в состоянии хрупкого равновесия, при котором позитивные и негативные факторы уравнивают друг друга.

Лидирующая пятерка стран ЦВЕ добилась заметного прогресса в осуществлении реформ благодаря Вашингтонскому консенсусу – программе экономических реформ, предложенных Международным валютным фондом и Евросоюзом на пути евроинтеграции данных стран. Основанная на идеологии либерализации, прежде всего экономики, данная программа позволила во второй половине 90-х годов значительно улучшить экономическое положение стран ЦВЕ. Как отмечает А. Музыченко, в силу более благоприятных стартовых условий системные преобразования в странах Вышеградской группы были начаты быстрее и оказались успешнее, чем в других странах ЦВЕ, а тем более стран постсоветского пространства, часть из которых после распада СССР тоже относят к Восточной Европе (Белорусь, Украина, Молдова)¹.

Приблизительно аналогичные процессы в социально-культурном и экономическом отношении были во всех странах данного региона. Страны Балтии – Латвия, Литва и Эстония всегда относились к странам, способным вплотную подтянуться к лидирующей пятерке ЦВЕ. Однако, на тот период данные страны столкнулись с серьезными экономическими и социальными проблемами, в том числе в силу того обстоятельства, что спад здесь был более глубоким. Несмотря на многочисленные проблемы краткосрочного плана, страны Балтии заметно расширили свободу маневра в результате быстрого, хотя и болезненного, выхода из экономического пространства бывшего СССР. Процессы трансформации в странах Юго-Восточной Европы – Албании, Болгарии и Румынии также характеризовались нестабильностью и хрупкостью достигнутых результатов, что в наиболее острой форме проявилось в условиях албанского кризиса 1996-1997гг.

¹ Музыченко, Г. В. (2012). *Концептуалізація державної політики країн пострадянського простору в умовах глобалізаційних змін*. Одеса: Друкарський дім, 284-285.

Перемены в Европе подтолкнули страны ЕС к более радикальным шагам в деле углубления интеграции. Наиболее сложным и спорным был вопрос о вступлении в ЕС стран ЦВЕ. В течение ряда лет после краха коммунистических режимов в Европе ЕС не занимал ясной позиции по этому вопросу, хотя уже на раннем этапе им была разработана стратегия более тесного сотрудничества со странами ЦВЕ на основе соглашений об ассоциации, известных как «европейские соглашения». Первыми такие соглашения с ЕС 16 декабря 1991 г. подписали Венгрия, Польша и Чехословакия. Впоследствии они были подписаны со всеми государствами ЦВЕ.

«Европейские соглашения» предоставили подписавшим их странам статус ассоциированных членов и предполагают возможность их вступления в ЕС, регулируют политические и экономические отношения с союзом, включая установление режима свободной торговли. Соглашениями устанавливались механизмы поддержания постоянного диалога между сторонами, обеспечивался более широкий доступ стран ЦВЕ к информации о процессе принятия решений в ЕС, определялись механизмы оказания технической и финансовой помощи реформам, в частности, в рамках программы ФАРЕ.

Практически все страны ЦВЕ вошли в ЕС единым потоком в результате самого масштабного расширения Европейского Союза в 2004 году. Сегодня группу стран ЦВЕ в самом ЕС признают в качестве сформированного субрегиона, имеющего свою региональную геополитическую субъектность, обладающую рядом характерных особенностей. Среди них выделяют следующие:

1. Повышенная чувствительность ЦВЕ к вопросам национальной, цивилизационной самоидентификации.
2. Проблемы разделенных народов;
3. Территориальные проблемы (взаимных претензий).
4. Стремление втягивать в местные споры и конфликты великие державы («балканизация»).
5. Сложность собственной интеграции для решения местных или региональных проблем.
6. Принадлежность этих стран в недавнем прошлом к миру неприемлемому ими социализма.
7. Отождествление России с СССР и отождествление себя с европейским.
8. ЦВЕ обречен ощущать постоянное присутствие России и неизбежность взаимодействовать с ней¹.

---

¹ См.: Торкунов, А. В., Болгова, И. В., Мальгин, А. В. (2011). *Новая Восточная Европа*. Москва: Весь мир.

Таким образом, если под новой региональной идентичностью понимать «тот или иной уровень осознания принадлежности к определенной общности всеми ее составляющими народами и государствами, а также тождественность основных целей, преследуемых этими народами и государствами»¹, то необходимо отметить, что, во-первых, в исторически сложившихся современных условиях появилась реальная перспектива преодоления раскола Европы на межцивилизационной основе; во-вторых, страны региона подошли к разрешению важного психологического аспекта – исторически сложившегося стереотипа «Запад – Восток» и реально продвинулись к идее общеевропейского дома.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что перемены в странах Центральной и Восточной Европы вряд ли будут иметь столь «линейный» характер западной ориентации. Это объясняется как трудностями экономическими – не совсем удачное форсирование темпов рыночных реформ, так и политическими – частая смена правящих политических элит, одинаково погрязающих в коррупции.

Стремительное изменение политической системы в 1990-е гг. в странах ЦВЕ породило иллюзии о быстром решении проблемы региональной идентичности континента на новых основах. Однако современность свидетельствует о том, что трудности и проблемы не исчезли, а лишь приобрели новую форму звучания. Вместе с тем нельзя не отметить, что положительные и конструктивные сдвиги к общеевропейскому дому имеются.

Литература:

1. Гайдукевич, Л. Страны ЦВЕ на пути в Евросоюз и проблемы регионального сотрудничества. *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. <<http://evolutio.info/content/view/647/55>> (2014, май, 14).
2. Коукер, К. Сумерки Запада. *Журнальный зал*. <<http://magazines.russ.ru/inostran/2000/5/kouker-pr.html>> (2014, май, 14).
3. Гегель, Г. В. Ф. (1993). *Философия истории*. Санкт-Петербург: Наука.
4. Наумкина, С. М. (2009). Головні проблеми «молодих» демократій на посткомуністичному просторі. *Наукове пізнання: методологія та технологія*, 2 (24), 54-58.
5. Музиченко, Г. В. (2012). *Концептуалізація державної політики країн пострадянського простору в умовах глобалізаційних змін*. Одеса: Друкарський дім, 284-285.
6. Торкунов, А. В., Болгова, И. В., Мальгин, А. В. (2011). *Новая Восточная Европа*. Москва: Весь мир.

¹ Гайдукевич, Л. Страны ЦВЕ на пути в Евросоюз и проблемы регионального сотрудничества. *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. <<http://evolutio.info/content/view/647/55>> (2014, май, 14).

Богдан Тимоць

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

The paper investigates the actual direction of political science – the theory of conflict, which is now widely used to analyze the interaction in post-communist societies, in an unstable political system, the development of civil society, lack of information, risk and uncertainty in the results of democratization.

The essence of political conflicts, especially their institutionalization of mechanisms and solutions in terms of democratization in post-communist countries.

Исследование политических конфликтов характеризуются актуальностью, как с точки зрения политической теории, так и в практическом измерении политических отношений. Это объясняется тем, что в демократическом обществе политические конфликты имеют значительный потенциал и могут выступать движущей силой преобразований, средством преодоления определенных противоречий без применения насилия.

Представить политику без конфликтов невозможно, в политическом пространстве происходит перманентная борьба за ресурсы власти, которые ограничены.

Переходные периоды жизни общества характеризуются нестабильностью политических систем, непредсказуемостью последствий изменений и нарастанием кризисных явлений в обществе. Это становится причиной эскалации политических конфликтов, одним из определяющих факторов перехода от латентной фазы их развития к публичной борьбе политических акторов, открытого столкновения интересов социальных групп.

Актуальность исследования политических конфликтов в условиях посткоммунизма обусловлена перманентным противостоянием в политической сфере, появлением дополнительных линий разграничения политических акторов и общественных групп относительно избрания стратегического направления преобразований между

консолидированной демократией, возвращением к авторитаризму или сохранением status quo. Это стало обычным явлением для посткоммунистических стран. Конфликтные явления рельефно проявляются как в тех государствах, где политический класс сделал выбор в пользу консолидированной демократии как цели посткоммунистических трансформаций так и в странах, избравших путь возвращения к авторитаризму, или находятся в состоянии поиска конечной «точки прибытия».

Функциональное назначение политических конфликтов заключается в том, что они выступают специфическим фактором общественного развития, способствуют политической конкуренции и отбора политических акторов, способных обеспечить эффективное решение проблем.

С другой стороны, конфликты могут привести к разрушению политической системы, перейти в фазу вооруженного противостояния или внешнего вторжения.

Для Украины характерным явлением стал переход конфликтов в публичную плоскость и их обострение во время избирательных кампаний. Исследованием политических конфликтов посвящены работы зарубежных и отечественных авторов, среди которых следует отметить Р. Арона, Дж. Бернарда, К. Боулдинга, Т. Боттомора, М. Вебера, Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера, М. Крозье, А. Киссе, Ю. Мациевского, С. Ростецкую и др.

В работах современных исследователей раскрывается сущность феномена конфликта, определены критерии классификации конфликтов. Отдельными направлениями исследований в современной конфликтологии выступают:

- анализ этнополитических конфликтов (И. Варзар, К. Витман, Ю. Арутюнян, Г. Солдатова, И. Кресина, Р. Абдулатипов, С. Чешко, В. Тишков и др.);

- региональные конфликты (А. Кукарцев, М. Савва, Ю. Шадже, Т. Моренчук, А. Авксентьев, Г. Перепелица, Г. Денисова, В. Юрченко и др.)

- теория переговорного процесса (М. Дойч, А. Третьяк, Р. Фишер, У. Цюрупа, М. Лебедева, В. Рябцев, В. Курбатов и др.);

- исследование институциональных конфликтов (Ф. Шмитер, П. Веблен, В. Митчел, Дж. Коммонс, Н. Флигетайн, И. Кравченко, А. Козырев, С. Новикова и др.).

В современных исследованиях политических конфликтов актуализируется поиск ответов на вызовы, связанные с процессом демократизации общества. В частности, о причинах и механизмах

регулирования политических конфликтов в информационном обществе и относительно динамики политических конфликтов в процессе демократизации.

Следует отметить следующие подходы к определению сущности политических конфликтов.

Во-первых, термином «конфликт» обозначают конкуренцию, соперничество и открытые столкновения (Р. Дарендорф), а также борьбу за ценности и право на определенный статус, овладение могуществом и ресурсами (Л. Козер).

Во-вторых, противоборство публичных акторов (индивидуальных и коллективных) с целью обеспечения собственных интересов и достижения определенной политической цели.

В-третьих, конфронтация относительно распределения ресурсов власти и властных полномочий.

Известный украинский исследователь М. Головатый дает следующее определение политического конфликта: «Конфликт политический – чрезмерное обострение взаимоотношений сторон в политике или их столкновение, связанное с различием их положения в обществе. Сущность политического конфликта – это столкновение проблемных или таких, которые не совпадают, интересов, действий, взглядов отдельных личностей, представителей политических партий и общественных организаций, объединений, этнических, социальных групп, государств и их органов. Важнейшие составляющие конфликта: конфликтующие стороны; зона разногласий между конфликтующими сторонами; мотивы конфликта; действия. Конфликты различают по субъектам, уровню конфликтных отношений; объектам. Конфликты могут возникать преднамеренно (по чьей-то инициативе) и на основе существующих противоречий. Различают следующие виды противоречий: сформировавшиеся в результате социально-экономического и материально-бытового положения людей; обусловленные неприятием политики тех, кто реально имеет власть»¹.

Общепризнанным стало осознание того, что конфликт может способствовать модернизации и демократизации, а может разрушить общественный консенсус, привести к анархии или тоталитаризму. К позитивам политического конфликта можно отнести необходимость решения социально-экономических, политических и правовых проблем в интересах этнических общностей и их представи-

---

¹ Головатый, М. Ф., Антонюк, О. В. (2005). *Політологічний словник: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів*. Київ: МАУП, 412.

телей, интеграцию и политическую мобилизацию представителей этнической общности, что обеспечивает ее превращение в политического актора, усовершенствование этнонациональной политики государства, развитие культуры межнационального общения и др.

Демократия, как конкретный тип политического режима предполагает выработку действенных предохранителей насилия и произвола, соблюдение принципов свободы и равенства, учет различных мнений и требований. Преодолению политических конфликтов способствует ограничение правления (что проявляется в принципе разделения властей), обеспечение прав оппозиции, обратная связь между властью и обществом.

Процесс политической конкуренции выступает одним из главных принципов демократии, который способствует деятельности групп, классов и этнонациональных сообществ с целью повышения собственного статуса, представительства в органах государственной власти.

Конфликтная ситуация выступает одной из составляющих решения споров, формой общественных отношений и средством саморегуляции политического взаимодействия. В процессе развертывания конфликтной ситуации общественные группы формулируют, артикулируют и презентуют в общенациональном политическом дискурсе собственные интересы, образуют действенные механизмы их защиты и реализации.

Конфликты делятся на те, которые «касаются всего политического пространства (например, между ветвями власти), и на конфликты внутри властных структур, когда стороны воюют за перераспределение власти или расширения властных полномочий. Источником политического конфликта является конкуренция, соперничество, антагонизм, враждебность в сферах экономики, политики, политических интересов. Независимо от характера все политические конфликты в той или иной мере касаются власти, властных интересов. Одним из показателей возможного политического конфликта, а то и политического кризиса является политическая напряженность. Для нее свойственно распространение среди широких слоев населения настроений недовольства существующим положением в определенных сферах жизни или существующим социальным строем в целом»¹.

¹ Головатий, М. Ф., Антонюк, О. В. (2005). *Політологічний словник*: навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Київ: МАУП, 412.

Управление политическими конфликтами требует глубокого понимания предпосылок и причин их возникновения. Среди основных причин возникновения конфликтов следует отметить : ограниченность ресурсов и дефицит ценностей и благ различных классов, групп и сообществ, экологические причины, исторические причины (оккупация, порабощение, геноцид), религиозные причины, неравный доступ представителей разных классов и этнических групп к имеющимся в обществе экономическим, политическим и информационным ресурсам, этническое и классовое деление в обществе, миграция населения, культурная дискриминация, нарушение политических прав и ограничения гражданских свобод представителей определенных классов и этнонациональных сообществ, межконфессиональные противоречия, территориальные споры, активность националистически ориентированных политических акторов.

Отдельно следует отметить конфликты, возникающие в процессе групповой борьбы за свои интересы и господство, реализации идеологических доктрин, партийных программ, лидерских амбиций отдельных политических акторов.

Относительно управления политическими конфликтами в условиях модернизации стоит согласиться с украинской исследовательницей Т. Билецкой в том, что решение современных конфликтов не может происходить автоматически, они не регулируются сами по себе, необходимо активное вмешательство социальных акторов не только со стороны общества, ценностно-нормативной его основы, но и со стороны государства и властных институтов. В развитых демократических системах можно определить следующие основные направления достижения согласия – переговорный процесс, оформление компромисса, общественный консенсус. Благодаря последнему удастся обеспечить нормальное развитие общества с утверждением в нем таких базовых ценностей, как свобода, равенство, благосостояние, взаимопомощь, сотрудничество. Одним из способов мирного регулирования социально-политических конфликтов выступает компромисс, ведь он ориентируется на исключение силовых форм, снижение интенсивности конфликтного противостояния. Более того, он фиксирует существенные уступки в позициях конфликтующих сторон¹.

---

¹ Білецька, Т. В. (2010). Механізми регулювання соціально-політичних конфліктів в умовах трансформації українського суспільства. *Політологічні студії: збірник наукових праць*, 1. <http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/znpps/2010_1/2_4.pdf>.

Учитывая, что политическое взаимодействие происходит в горизонтальном и вертикальном измерениях, политические конфликты можно разделить на два основных типа – вертикальные и горизонтальные.

В горизонтальных конфликтах борьба за ресурсы власти происходит на уровне горизонтального взаимодействия между политическими акторами и институтами, внутри органов государственной власти (парламент – правительство – Президент), элитных групп, политических партий и институтов гражданского общества.

Вертикальные политические конфликты разворачиваются по оси «государство – общество», это взаимодействие между органами власти и общественными организациями, между политическими акторами, находящимися на разных ступенях общественной иерархии. От типа конфликта в значительной степени зависит и механизм его управления, регулирования и решения.

В соответствии с типом и уровня политического взаимодействия конфликты делятся на :

- конфликты на уровне отдельных индивидов;
- конфликты между социальными группами, классами, общностями;
- общественные конфликты, касающиеся всех граждан;
- конфликты на региональном и субрегиональном уровнях, которые могут включать взаимодействие нескольких стран;
- глобальные конфликты, имеющие общемировое значение.

При этом можно отметить зависимость между уровнем политической конфликтности и состоянием политической системы общества. Так, в условиях стабильности политические конфликты имеют преимущественно горизонтальный характер, а в переходные периоды, которые сопровождаются социальными потрясениями, конфликты разворачиваются по вертикали – между политическими акторами и социальными группами.

Политические конфликты проходят следующие этапы:

- латентный этап возникновения и развития проблемы, которая перерастает в конфликт и ее осознание основными актерами. Этот этап включает попытки бесконфликтного решения проблемы. Если это не удается, то возникает предконфликтная ситуация;
- открытый этап конфликтного противостояния и борьбы (собственно политический конфликт). На этом этапе определенный политический инцидент выступает катализатором конфликта, затем происходит его эскалация, формирования баланса, борьба и завершения конфликта;

– латентный постконфликтный этап, характеризующийся частичной или полной нормализацией политического взаимодействия.

В условиях авторитарного и тоталитарного политического режимов политические конфликты характеризуются латентностью и могут годами быть не урегулированными. Это приводит к накоплению конфликтного потенциала в отношениях власти и общества и всплеска насилия на этапе открытого противостояния. С другой стороны, в условиях демократического политического режима функционирует гибкий механизм смягчения конфликтов и ненасильственных средств урегулирования политических конфликтов.

Наиболее очевидным и распространенным типом политического конфликта в вертикальном измерении политического взаимодействия выступает конфликт между различными ветвями власти, что характерно для посткоммунистических стран.

Одним из глубинных мотивов политических конфликтов на постсоветском пространстве становится желание участников избежать политической ответственности и попытки переложить ее на политических оппонентов.

Процесс управления конфликтом предполагает целенаправленное вмешательство в ход конфликта с целью обеспечения развития политических отношений и их трансформации. В управлении политическим конфликтом выделяются следующие стратегии: «стратегия ястреба», «стратегия страуса», «стратегия голубя», «стратегия совы» и «стратегия синицы». «Стратегия ястреба» предусматривает такую модель конкурентного взаимодействия, которая заключается в том, что «одна из конфликтующих сторон демонстрирует максимальную активность, готовность защищать свои интересы любой ценой и в ущерб интересам другой стороны, делает ставку на собственную победу. «Стратегия ястреба» может принести положительные результаты и способствовать урегулированию политического конфликта. Однако в целом эта стратегия имеет довольно существенный недостаток: она ориентирована на выигрыш одной стороны и на проигрыш другой, может обеспечить лишь временное примирение, поскольку проигравшая сторона будет искать возможности для реванша и конфликт может снова обостриться в любое время»¹.

---

¹ Чижова, О. (2006). Конфлікт як прояв прагматизму в сучасному суспільстві. *Політичний менеджмент*, 1 (16), 124.

Для «стратегии страуса» характерны попытки избежать конфликта, попытки стороны выйти из противостояния, не находя при этом путей урегулирования конфликта.

Под следующей стратегией – «стратегией голубя» понимают «приспособление слабой стороны к позициям и требованиям сильной, отказ от собственных претензий... Она приводит к отказу от интересов слабой стороны и победы сильной. «Стратегия голубя» считается неэффективной и не способствует урегулированию конфликта, поскольку сохраняются конфликтогенные факторы и причины конфликта, к которым у одной из сторон прилагаются чувство недовольства, обиды и несправедливости. Мирные отношения при этом оказываются временными, а договоренности шаткими»¹.

Одной из наиболее рациональных выступает «стратегия совы», которая предусматривает совместный поиск участниками конфликта механизмов урегулирования конфликта и максимизации реализации их интересов при минимизации затрат. Однако на пути этой стратегии становится нехватка времени для договоренностей и ограниченность возможностей по урегулированию конфликта у каждой из сторон.

В основе «стратегии синицы» находится «модель политического компромисса, предусматривающего взаимодействие на основе взаимных уступок, добровольный отказ конфликтующих сторон от определенной части своих притязаний»².

Все стратегии направлены на рациональное управление конфликтом с целью его эффективного урегулирования в конструктивном направлении. По мнению С. Ростецкой, к общим характеристикам политического конфликта, которые учитываются политическими акторами в целях управления конфликтом, относятся: а) степень открытости политической системы; б) уровень политической сплоченности конфликтующих групп; в) характер вовлечения широких социальных слоев в спорные взаимоотношения; г) эмоциональная насыщенность политического поведения групп и граждан и их способность к самоограничению своих властных притязаний и т. д.»³.

¹ Чижова, О. (2006). Конфлікт як прояв прагматизму в сучасному суспільстві. *Політичний менеджмент*, 1 (16), 124.

² Чижова, О. (2006). Конфлікт як прояв прагматизму в сучасному суспільстві. *Політичний менеджмент*, 1 (16), 124.

³ Ростецька, С. І. (2006). *Управління політичним конфліктом: теоретичні аспекти та українська пострадянська дійсність*: дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02, Одеса, 24.

При этом завершение конфликта выступает более широким процессом, чем его решение. Последнее понимается как прекращение противоборства, а завершение конфликта – как исчерпание содержания конфликта по любым причинам. С целью урегулирования конфликта необходимо осуществить целый ряд последовательных шагов, в частности :

- анализ причин возникновения конфликта, его мотивов и действующих лиц;
- условия его эскалации, социальный, политический, экономический контекст;
- выяснить предмет конфликта;
- определить возможные пути урегулирования конфликта.

С. Ростецкая определяет основные факторы влияния на уровень конфликтности на постсоветском пространстве. К ним исследовательница относит «трансформацию общественного бытия, обусловленную реформационными мерами, и разрушение устоявшихся мировоззренческих ориентаций подавляющего большинства социальных групп, недостаточную национальную самоидентификацию, кризис власти... глубокие изменения в социально-политической стратификации и структуре общества, которые сопровождаются и частично вызываются радикальным перераспределением собственности и власти, экономические расколы, которые приводят к серьезным социальным и политическим конфликтам»¹.

Таким образом, процесс управления политическим конфликтом в условиях демократизации общества предполагает активное вмешательство в ход конфликта, попытки его предупреждения, урегулирования и решения с применением таких стратегий, как сотрудничество, конкуренция, компромисс, приспособление и уклонение.

Управление конфликтами в условиях демократизации предполагает определенную процедуру, которая состоит из таких элементов, как институализация, легитимизация, структурирование конфликтующих групп, редукция.

---

¹ Ростецька, С. І. (2006). *Управління політичним конфліктом: теоретичні аспекти та українська пострадянська дійсність*: дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02, Одеса, 24.

Виктория Блинцова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

The article studies the social and political components of e-democracy information age. E– democracy is defined as a form of democratic governance of the information age. It is noted that the social and political components of e-democracy advocate pluralism and community groups, ideological liberal values and principles of political pluralism in the information society that meets the organizational model of network organization. Managing political networks provides equal access to information, a direct representation of interests and dialogue between government and society. It is noted that e-democracy creates the conditions for a rational political choice and control in the information society.

Комплексные изменения в социальной, политической, экономической, научно-технической сферах современного общества способствуют росту значения гражданского общества, акторов третьего сектора, групп интересов, которые участвуют в формировании политической повестки дня, принятии политических решений, государственном управлении.

На смену моделям представительной демократии (когда социальные и политические группы представляют избранные, выступающих в парламенте от их имени) приходят модели прямой демократии. В условиях информационного общества теоретические модели демократии находят свое практическое выражение в деятельности электронного правительства и формировании механизмов электронной демократии. Говорят о совещательной и делиберативной демократии (Ю. Хабермас), интерактивной демократии (П. Розанвалон), демократии участия (И. Масуда), полупрямой демократии (О. Тоффлер).

Под влиянием становления информационной эпохи трансформируются демократические институты, сущность и механизмы демократического политического режима. В таких условиях актуализируется вопрос повышения эффективности демократии, политического участия граждан и взаимодействия политических акторов (как публичных, так и непубличных).

Несмотря на большое количество научных исследований электронной демократии, в том числе – политологических работ на эту

тематику зарубежных и отечественных авторов, недостаточно внимания уделяется именно социально-политическим составляющим е-демократии. Остаются недостаточно освещенными многие проблемы е-демократии концептуального и эмпирического характера, к которым можно уверенно отнести исследования плюрализма политических групп как основы демократической формы правления и политических сетей.

В отечественной политической науке проблема социально-политических составляющих электронной демократии информационной эпохи только начинает входить в предметное поле теоретических исследований и поэтому анализу подвергаются только отдельные составляющие этого масштабного политического процесса: политические акторы, конституционные основы политического плюрализма и выбора, избирательные кампании и технологии, политические институты и общественные объединения.

Однако, очевидно, что комплексное политологическое исследование социально-политических составляющих электронной демократии информационной эпохи невозможно без анализа трансформационных процессов, роли и места групп интересов и политических партий, развития сетевых организаций. Исследованию электронной демократии посвящены работы таких зарубежных и отечественных авторов, как Б. Барбер, С. Верба, Б. Кауфманн, М. Уотерс, К. Патеман, О. Дубас, В. Ковалевский, В. Горбатенко, А. Силенко, Ю. Мазурок, А. Маруховская, В. Недбай, Д. Яковлев и др.

Одним из современных и актуальных подходов к исследованию социально-политических составляющих е-демократии, как формы взаимодействия власти и общества информационной эпохи, выступает сетевой подход, в основе которого лежит понятие «политической сети».

В политической теории стоит отметить таких представителей сетевого подхода, труды которых касаются проблемы сетевой организации политики и влияния сетей на е-демократию информационной эпохи, как К. Анселлом, Дж. Бейдерникл, Ю. Брандес, Р. Даль, Б. Коулман, К. Дингверт, К. Даудинг, Г. Фолкнер, М. Кастельс, Д. Марш, М. Савард, Л. Пал, Дж. Ричардсон, Дж. Шнайдер и др.

Большинство исследователей отмечают, что появление политических сетей – это ответ общества на вызовы и новые возможности информационной эпохи. Главное назначение политической сети – обеспечение эффективной коммуникации власти и общества в процессе выработки публичной политики и управления.

В процессе становления е-демократии в посткоммунистических странах политические сети играют роль компенсаторов неразвитых политических институтов, обеспечивающих эффективную политическую организацию взаимодействия между институтами гражданского общества, между властью и обществом.

Цель статьи – исследовать социально-политические составляющие электронной демократии информационной эпохи.

Преимущества модели электронной демократии в условиях информационной эпохи является следствием сочетания менеджмента и информационных технологий в процессе выработки и принятия политических решений. Повышение эффективности политического взаимодействия власти и граждан в процессе внедрения е-демократии происходит благодаря более успешному пониманию потребностей социальных групп и отдельных граждан («потребителей» управленческих услуг) и упрощению обратной связи между гражданами и властью (в том числе – е-голосования и е-управления).

Механизмы е-демократии предусматривают информационную активность и компетентность граждан, которые образуют политические сети, влияющие на политику правительства. Власть, со своей стороны, может услышать основные общественные группы через коммуникативные каналы (Интернет, личное общение, телефонные разговоры, почта, sms и т.д.) и должна учитывать мнение граждан в процессе реализации политики.

Одной из главных становится проблема повышения эффективности управления и деятельности власти. Демократизация предполагает открытость власти, прозрачность выработки и принятия властных решений, привлечение широких слоев населения к оценке политики и участия в политических процессах. Одновременно управление требует рационализации деятельности власти, системности, логичности и последовательности во внедрении политического курса.

В определенном смысле, процессы демократизации и рационализации взаимно дополняют друг друга. Демократизация без рационализации имеет интенцию к превращению в охлократию и анархию, а рационализация без демократизации – в тиранию, которая прикрывается целесообразностью и необходимостью избежать противоречий и конфликтов.

Политическая власть выступает не просто результатом совместной деятельности граждан, а институтом, который формируется организациями публичной сферы. По мнению Ю. Хабермаса, «В пределах и за пределами парламентского комплекса эти бессубъектные

формы коммуникации составляют сцены, на которых может происходить более или менее рациональное формирование политической мысли и политической воли», а смысл демократической политики состоит «... в гарантии формирования общественной мысли и общественной свободы с учетом максимально возможного количества факторов»¹.

Способствовать этому призваны электронное управление и электронная демократия, которые создают технологические возможности для принятия основных политических решений непосредственно гражданами путем проведения плебисцитов в информационной сети. Система электронного правительства открывает возможности для повышения эффективности управления, быстрого реагирования на требования времени, а также внедрения лучших публичных услуг. Е-правительство обещает сделать работу власти более прозрачной и легитимной. Основной задачей е-правительства является приближение государственных институтов и услуг, которые они предоставляют, к гражданам, что должно способствовать повышению их политического участия.

Отсутствие монополии правительства на информацию, которая в условиях тоталитаризма и авторитаризма составляет один из основных ресурсов государственной власти, приводит к необходимости диалога между различными группами, которые имеют противоположные социальные и политические интересы. Таким образом, демократизация приводит к постоянному поиску компромиссов и отсутствия «монополии» на истину.

В современном мире благодаря электронным СМИ и сети Интернет растет скорость распространения информации, благодаря чему расширяется сфера доступной для общества политической информации. Это способствует децентрализации власти и ослабляет правительство как вертикальную, иерархическую модель организации. В условиях демократизации растут ожидания граждан относительно информационной «открытости» политического пространства, появляется уверенность, что большинство политических проблем можно изложить в дискурсивной форме и решить в ходе диалога между властью и обществом.

Требование демократизации по обеспечению легитимности государственной власти реализуется в ходе демократических выборов, по результатам которых и формируются органы управления.

---

¹ Габермас, Ю. (2002). Три нормативні моделі демократії. *Демократія: Антологія*. Київ: Смолоскип, 370.

Взаимозависимость избирательного процесса и деятельности органов власти особенно ощутима для Украины, которая находится на этапе демократизации управления. При этом, демократические выборы способствуют повышению легитимности управления, но не всегда обеспечивают эффективность в решении общественных проблем.

Условие проведения регулярных и свободных выборов является необходимым, но недостаточным именно с точки зрения рациональной управленческой деятельности в демократическом обществе. Повышение эффективности управления происходит благодаря успешному пониманию потребностей граждан и упрощению структуры обратной связи: пользователь услуг он-лайн может не разбираться в сфере ответственности отдельных правительственных структур, однако он получает услугу. Электронное правительство способно оказывать услуги гражданам качественно и в достаточном количестве – так, чтобы они были приспособлены к их потребностям и условиям и были скоординированы через различные каналы общения (телефон, Интернет, личное общение, почта, система коротких сообщений и т.д.).

Развитие технологий привело к появлению идей «информационного общества», постиндустриализма, «общества знаний» и общества риска. Постепенно была сформирована теоретическая база для постановки вопроса о переходе управления на качественно новый уровень предоставления услуг – электронной демократии.

Следует отметить, что усложнение и разнообразие массовых коммуникаций в современном мире связано со многими факторами, которые можно сгруппировать следующим образом: «1) диверсификация источников информирования; 2) увеличение акторов политического взаимодействия; 3) совершенствование технического снабжения власти и граждан»¹.

Во многом это связано с получением СМИ особого статуса в современном обществе, медиатизацией политического взаимодействия и интенсификацией коммуникационных процессов.

Информационная эпоха способствует созданию модели е-демократии, учитывающий распространение сетевой формы политической организации. В современном мире возрастают требования общественности по повышению эффективности правительства, деятельности политических институтов.

¹ Яковлев, Д. В. (2009). *Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація*. Одеса: Астропринт, 156.

Е-демократия призвана способствовать решению следующих социально-политических проблем современного общества:

– налаживание коммуникации и политического взаимодействия между различными социальными группами в плюралистическом обществе;

– значительное снижение уровня доверия общества к власти (демократический конформизм, отчуждение граждан от власти);

– удаленность центра принятия политических решений от общин («потребителей» правительственной политики).

Демократия информационной эпохи предполагает политический плюрализм. Борьба интересов социально-политических групп и обусловленная реальным политическим плюрализмом политическая конкуренция должны проходить в определенных правовых и политических рамках, на основании признания легальных «правил игры».

Конфликт и политическое противостояние должны происходить на почве политического консенсуса по принципиальным, основных вопросов общественного развития.

Исследуя социально-политические составляющие е-демократии информационной эпохи стоит обратить внимание на то, что достижение полного согласия невозможно. Однако е-демократия ставит перед обществом и властью ряд проблем и требований политической коммуникации и организации политического дискурса.

Это в полной мере касается всего многообразия общественно-политических групп, которые «расцветают» в условиях информационного общества при соблюдении принципов демократии и плюрализма. В деятельности власти и гражданского общества должны быть найдены новые формы коммуникации с целью достижения взаимопонимания, которые соответствуют модели е-демократии информационной эпохи.

Можно согласиться с П. Вознюком в том, что «для современной политической науки характерно ощущение неполноценности и неэффективности согласия, не обеспеченной реальным коммуникативным пониманием. Это позволило выделить следующие требования к политическому консенсусу современности: 1) принципиальное равенство и субъектность участников; 2) диалогичность обсуждения предмета согласования; 3) сознательный характер дискурса, отсутствие манипуляции; 4) рациональность; 5) динамизм, перманентная подтверждаемость консенсусных договоренностей; 6) открытость, максимальная публичность; 7) многоуровневость и взаимосвязь консенсусных уровней. Только согласие, которое

соответствует всем приведенным пунктам, считается способным успешно осуществлять свою стабилизирующую функцию»¹.

Демократическая политика в информационную эпоху заключается в балансировании между полюсами «автократии» (рационального господства бюрократических аппаратов глобального правительства) и «анархии» («распыление» власти, политического капитала, общественного мнения к атомизированного состояния). Цель внедрения модели е-демократии мало чем отличается от классических теорий демократии, потому что апеллирует к идеалу античной «Агоры», пытаясь создать лучшие условия для реализации свободного политического выбора гражданина и аккумуляирования потенциала социально-политических групп для защиты общественного интереса.

Политический плюрализм является одним из главных признаков современного демократического общества. Он выражается во взглядах граждан, идеологиях, программах политических партий и интересах политических и общественных групп и объединений.

В истории политических учений важность политического плюрализма одними из первых обосновали древнегреческие философы (Аристотель) и отстаивали политические деятели (Перикл), которые рассматривали различие политических позиций как элемент агона (соревнования), политической конкуренции и основы рационального принятия политического решения.

В эпоху античности зародилась и доминировала элитарная парадигма управления, представители которой утверждали приоритет лидеров и элитных групп в процессе реализации общего блага, отказывая всем остальным членам общества в способности участвовать в политической жизни и управлении государством (Конфуций, Платон, Цицерон, Полибий и др.). Для античных философов в понятии «полиса» объединялось сообщество и государство, а выражением и характеристикой правильной формы господства было стремление к «общему благу» (Аристотель), однако в классических политических доктринах либерализма плюралистическое общество (республика) уже противопоставлялось государству (монархия).

Республиканская модель предусматривала действенные механизмы представительной демократии (парламентаризм) с целью интеграции интересов различных социально-политических групп.

¹ Вознюк, П. (2004). *Консенсус як принцип сучасної демократії*: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.01. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 6.

В XVIII веке против монополии государства в политической сфере и господства групповых интересов в политике выступили представители утилитаризма (И. Бентам), которые отмечали приоритетности интересов индивида. В начале XIX века А. Бентли предложил понимание политики как перманентного процесса борьбы социальных групп за государственную власть, которая всегда защищает «специфические» интересы господствующего класса.

Политическими институтами, созданными для артикуляции и защиты интересов социальных групп выступают партии, парламенты, институты гражданского общества (включая СМИ).

Во второй половине XX века приобретает теоретический вес и общественное распространение теория неоплюрализма: государственная власть является производной и регулятором политических, социальных и экономических отношений через правовые механизмы.

К теоретическим истокам концепции е-демократии следует отнести следующие наиболее общие положения плюралистической модели демократии.

Во-первых, общество состоит из многочисленных групп, которые объединены специфическими общими экономическими, религиозными, этническими или культурными интересами.

Во-вторых, группы предстают основными субъектами политического процесса, они влияют на государственную власть.

В-третьих, конкуренция между группами рассматривается как один из главных факторов принятия политических решений.

В-четвертых, важную общественную роль играют независимые от правительства центры власти – СМИ, университеты, политические партии и др.

В условиях электронной демократии информационной эпохи власть общественных групп расширяется – они объединяются в политические сети и могут быстро формировать собственные политические требования и донести их до органов управления благодаря информационным технологиям.

При этом сосуществование и взаимодействие политической элиты и гражданского общества (активных граждан) обеспечивается механизмами открытого соревнования между политическими акторами.

В политических процессах важную роль играет взаимодействие бюрократии, чиновников и заинтересованных (лоббистских) групп. Одной из задач электронной демократии становится расширение

круга участников политического взаимодействия, привлечение к участию в политическом процессе сетевых организаций. Современные общества характеризуются функциональной дифференциацией и частичной автономностью социальных групп.

Политические сети формируются в разных пространствах политики и представляют комплекс структурных взаимоотношений между политическими и государственными акторами и обществом.

Сетевой подход к социально-политическим отношениям меняет устоявшееся понимание государства как основного актора политики, взамен предлагая анализировать процессы фрагментации власти, формирования политических решений как результата взаимодействия «формальных» правительственных и неформальных структур, сформированных на основе сетевых связей (института партнерства, института патримониализма и т.д. – в зависимости от степени демократичности общества).

Е-демократия позволяет дополнять бюрократическую систему управления более гибкими механизмами, учитывающими мнение общества, формировать политическую повестку дня на основе социальных инициатив. При этом граждане начинают чувствовать ответственность за политику и деятельность власти.

Обобщая результаты исследований проблематики социально-политических составляющих электронной демократии информационной эпохи следует отметить следующее.

В конце XX – начале XXI века произошли масштабные политические трансформации, связанные с информатизацией, глобализацией и демократизацией. Это привело к появлению новых механизмов управления и принятия политических решений – е-правительства и е-демократии, которые опираются на политические сети и предлагают новые возможности взаимодействия власти и общества в условиях информационной эпохи.

Общим знаменателем изменений стало ослабление авторитарных тенденций в управлении, распространение политического плюрализма, демократических политических ценностей. Политические сети создают новые возможности для развития е-демократии, позволяют повысить эффективность политического взаимодействия между властью и обществом, поднять качество политических реформ за счет координации деятельности политических групп и сообществ.

Литература:

---

1. Вознюк, П. (2004). *Консенсус як принцип сучасної демократії*: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.01. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка.
2. Габермас, Ю. (2002). Три нормативні моделі демократії. *Демократія: Антологія*. Київ: Смолоскип.
3. Яковлев, Д. В. (2009). *Політична взаємодія як комунікативний процес: медіатизація, демократизація, раціоналізація*. Одеса: Астропринт.

Татьяна Константинова

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫБОРА В УСЛОВИЯХ ПЛЮРАЛИЗМА

The article is devoted to the problem of political theory and practice – the research components and factors of political choice in terms of pluralism. The specificity of political choice in the transition from authoritarianism to democracy. It is noted that at present an important part of becoming a political choice, freedom of speech in the media, which should be combined with responsibility for media objective and complete information to citizens, active position of citizens, civil society institutions, transparency of state and local governments and their accountability to the public.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью дать научную оценку главным составляющим и основным факторам политического выбора в условиях плюралистической политической системы. Процессы, связанные с демократическим переходом в Украине показали, что существует прямая взаимосвязь между политическим плюрализмом и формированием условий политического выбора. По крайней мере, это касается формирования альтернатив политического развития и выбора между имеющимися альтернативами.

В Украине масштабные политические трансформации, связанные с демократизацией посткоммунистического пространства стали общим знаменателем требований широких общественных групп по ослаблению авторитарных тенденций в публичном управлении, распространение политического плюрализма, демократических политических ценностей.

Одним из главных требований на пути от тоталитаризма к демократии выступает проведение регулярных свободных выборов органов власти, по результатам которых формируется направление и вырисовываются приоритеты политического развития, определяется стратегия внутривнутриполитического и внешнеполитического курса. Несмотря на большое количество научных исследований сущности и условий политического выбора (в том числе – политологических работ на эту тематику зарубежных и отечественных авторов) при изучении составляющих и факторов политического выбора в переходных обществах все еще остаются недостаточно освещенными многие проблемы концептуального и эмпирического характера, к которым можно уверенно отнести исследования политического выбора в условиях политического плюрализма.

В отечественной политической науке проблема политического выбора только начинает входить в предметное поле теоретического видения и поэтому анализу подвергаются лишь его отдельные составляющие: политические и государственные акторы, конституционные основы политического плюрализма и выбора, электоральные кампании и технологии, институты публичного управления и общественные объединения. Исследование проблемы политического выбора в условиях плюрализма невозможно без анализа трансформационных процессов, роли и места групп интересов и политических партий, развития парламентаризма и политической деятельности в условиях демократического перехода.

В то же время, проблема системного видения процесса политического выбора, которая охватывает все многообразие политических акторов, их коммуникативное взаимодействие и взаимовлияние на основе имеющейся правовой базы требует дальнейшей теоретической разработки.

Цель статьи – исследовать составляющие и факторы политического выбора в условиях плюрализма.

В современной политической теории проблеме политического выбора в широком контексте разделения властей, демократизации, деятельности групп давления, политических партий и институтов гражданского общества посвящены работы таких отечественных и зарубежных авторов, как Б. Андресюк, К. Байме, В. Бебик, З. Бжезинский, С. Хантингтон, Ф. Хайек, Л. Даймонд, Р. Даль, Т. Карозерс, Л. Козер, П. Кузьмин, А. Лисничук, М. Михальченко, В. Полохало, С. Рябов, С. Наумкина, Г.О. Доннел, М. Олсон, А. Соловьев, Д. Стоун, Д. Трумэн, Д. Яковлев и др.

Политические процессы современности актуализируют необходимость исследования факторов и составляющих политического выбора. Прежде всего, речь идет о внешнеполитических и внутриполитических факторах, которые обусловили роль и место политического выбора в ходе взаимодействия власти и общества в Украине.

К внешнеполитическим факторам можно отнести глобализацию (в ее экономическом, технологическом, политическом, экологическом измерениях) и развитие информационных технологий. Под влиянием глобализационных процессов возрастает ответственность политических акторов за выбор направления политики, за безопасность, в том числе – экологическую, которая в современном мире касается не только отдельно взятой страны, а человечества в целом.

В условиях глобализации политический выбор выходит за границы национальных государств, появляются транснациональные

акторы. Информационные технологии создают новые механизмы выбора (электронное голосование, электронная демократия), расширяют пространство политического выбора, возможности участия граждан в процессе формирования политического решения. Если говорить о внутривнутриполитических факторах политического выбора, то следует отметить особенности процесса демократизации в Украине, которые касаются институтов власти и гражданского общества. Именно в процессе перехода от советской тоталитарной системы к демократической организации политического пространства происходит становление политического выбора, как феномена общественной жизни.

В недемократических политических режимах роль политического выбора сводится к формальному участию граждан в безальтернативных выборах (советский феномен «выборы без выбора»), то есть выбор в условиях тоталитаризма выполняет функцию имитации реального выбора. В процессе демократизации украинского общества важной задачей выступает создание условий для политического выбора, среди которых особую актуальность приобретают следующие:

- свобода слова в СМИ, которая должна сочетаться с ответственностью медиа за объективное и полное информирование граждан;
- наличие политического плюрализма и формулирование политическими элитами реальных альтернатив политического развития;
- активная позиция граждан, институтов гражданского общества и политических партий (концепция «ответственного гражданина»);
- соблюдение принципа разделения властей;
- открытость органов государственной власти и местного самоуправления, их подотчетность обществу и др.

Исследование политического выбора относится к проблемно – ориентированному направлению и позволяют комплексно проанализировать влияние конституционных факторов, деятельности институций власти и гражданского общества, электорального процесса, групп интересов на процесс формирования демократической политической системы. Ограничение политического плюрализма ведет к сужению пространства политического выбора и к авторитаризму, с другой стороны – разнообразные политические группы способны «распылять» власть и вместо общественного интереса концентрированно требовать решения собственных проблем.

Демократическая политика заключается в балансировании между полюсами «автократии» и «анархии» с целью сохранения условий для реализации свободного политического выбора гражданина. Политический плюрализм является одним из главных признаков

современного демократического общества. Он выражается во взглядах граждан, идеологиях, программах политических партий и интересах политических и общественных групп и объединений. В украинском обществе за период независимости так и не было создано предпосылок демократического политического выбора, как среди представителей политического класса, так и среди широких общественных слоев. Среди причин этого можно выделить противоречие между необходимостью решать задачи реализации общественно значимой модели политического развития и несоответствием уровня профессиональной компетентности, ответственности и нравственности политических акторов реальным целям и потребностям украинского общества. Индивидуальные и коллективные политические акторы в Украине разобщены в ценностном отношении, по ряду принципиальных вопросов внутренней и внешней политики.

В такой ситуации на первый план выходит чисто инструментальное понимание политических ценностей, не происходит осознание необходимости обеспечения реального политического плюрализма и демократического политического выбора. По мнению Н. Латыгиной, украинский тип посткоммунизма предстает не как переход к демократии, а как следствие эволюции бывшей советской политической системы. Стоит согласиться с тем, что «в обстановке политического противостояния, усиление разногласий не столько относительно целей и ценностных ориентиров изменений, которые происходят в обществе, сколько о способах их достижения, с одной стороны, растет угроза использования силовых методов борьбы для восстановления социальной и политического равновесия, а с другой – сами цели и ценности, призванные объединить и консолидировать общество, словно отходят на второй план, подчиняются логике борьбы, а не общего созидания, логике подавления, подчинения, а не поиска компромисса, согласования и согласия»¹.

В истории политических учений важность политического плюрализма одними из первых обосновали древнегреческие философы и отстаивали те политические деятели, которые рассматривали различие политических позиций как элемент агона (соревнования), как основу политического выбора граждан полиса. Одним из первых авторов, который отстаивал необходимость политического плюрализма был Аристотель; он выводил этот феномен из того простого факта, что «каждое сообщество преследует определенное благо».

---

¹ Латыгина, Н. (2005). Шляхи та структурні фази демократизації суспільства. *Політичний менеджмент*, 2 (11), 68-77.

В работах Н. Макиавелли политика понимается как сфера властных отношений, которая имеет собственную логику и не определяется понятием морального блага. Согласно Н. Макиавелли, удержать власть можно не только путем согласования интересов, а прежде всего силовым навязыванием позиции властителя, мощь которого измеряется способностью не допустить давления постороннего интереса.

В работах Т. Гоббса, П. Гольбаха, Ж.-Ж. Руссо одним из главных лейтмотивов выступает идея личной свободы, которая становится основой политического плюрализма, пересмотра роли государства в формировании общего интереса. Общественный договор является отражением идеи плюральности групповых интересов и возможности их согласования через внедрение специальных механизмов (парламент, конституции, выборы). Так, П. Гольбах формулирует главную задачу политики: согласование и объединение интересов людей для совместной деятельности и достижения единой цели, а также подчинение личных интересов, устремлений и предубеждений людей общественной свободе с целью удовлетворения общих потребностей и укрепления государства.

В XVIII веке против монополии государства в политической сфере и господства групповых интересов в политике выступили представители утилитаризма. В частности, И. Бентан рассматривал сообщество как фиктивное объединение, которое не имеет собственного интереса, подчеркивая значимость и приоритетности интересов индивида. В начале XIX века Артур Фишер Бентли первым предложил теорию политики как борьбы групп в работе «Процесс управления». Он утверждал, что институты можно рассматривать как группы интересов, а деятельность органов государственной власти всегда направлена на защиту специфических интересов, их нейтральность – это фикция. По мнению А. Бентли рациональное действие осуществляется только на основе собственной выгоды, а фундаментом для политического плюрализма выступает высокий уровень горизонтальной и вертикальной мобильности. Развитие теории А. Бентли продолжилось в концепции неорганизованных интересов, или общего идеологического консенсуса, который обеспечивал демократическое развитие общества при соблюдении правил политической игры. Такими фундаментальными правилами выступают: индивидуальные достоинства личности; честная сделка и

соблюдение договоренностей; демократия; эгалитарные представления относительно материального благосостояния¹.

Взгляды украинских авторов М. Драгоманова, И. Франко и М. Грушевского объединяет отношение к политике, как к процессу служения народу. Так, М. Драгоманов считал, что необходимо минимизировать роль государства в обществе и максимизировать свободу индивида, которая создает условия для развития политического плюрализма. Идеал политического лидера, по И. Франко, заключается в умении трактовать и выражать интересы народа, вести его за собой.

Во второй половине XX века, на волне критики тоталитаризма и монополии государства появляется теория неоплюрализма, основное положение которой сводится к тому, что государство не является ни ареной осуществления конфликтов, ни третейским судьей, как в плюралистических подходах школы Бентли, а вмешивается в процесс конституирования групп и регулирует условия политического и экономического соревнования.

На современном этапе одной из самых влиятельных теорий политического плюрализма и политического выбора выступает теория коллективного действия Менкура Олсона. Эта теория, «как один из вариантов рационального выбора и познания и модернизированная форма утилитаристского мышления демистифицирует группу и возвращается к индивиду как важнейшей единицы анализа ... Представления, что частные организации появляются спонтанно и произвольно как ответ на новые разновидности необходимости, М. Олсон характеризовал как анархические. Преимущество больших групп в плюралистической модели не отвечало опыту Олсона. Представление, что правительственная политика является результатом группового конфликта, казалась ему украшением реальности. Вместо этого он отмечал власть малых групп, которые благодаря лучшим организационным шансам и удачно задействованным потенциалом эксплуатации могут получать многочисленные преимущества за счет больших групп. Групповой подход оставляет индивидов без внимания и поэтому не рассматривает расчет частной выгоды индивидов».²

Теория полиархии Р. Даля основывается на исследовании сущности, признаков и социально-политической роли групп интересов и отражает плюралистическое направление теории демократии.

---

¹ Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: Стилос, 311.

² Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: Стилос, 314.

В теории полиархии сочетается групповая и элитарная составляющие плюралистического общества, сосуществования и взаимодействия управляющей меньшинства (политической элиты) и гражданского общества (активных граждан) обеспечивается механизмами открытого соревнования между политическими элитами за должности. Главными признаками полиархии выступают : наличие в обществе автономных источников информации, свободных и регулярных выборов, представительного характера власти, свободы слова, возможности для граждан объединяться в ассоциации. К основным культурно-историческим и социально-политическим условиям формирования полиархии принадлежат «гражданский контроль над силовым принуждением со стороны государства, наличие современного динамичного и плюралистического общества, консociативная демократия в многонациональных государствах, демократический характер культуры граждан, отсутствие вмешательства во внутреннюю политику со стороны иностранного государства или группы государств»¹. В XX веке, одним из первых проблему политического выбора в контексте формирования публичной политики рассматривал американский автор Гарольд Лассуэлл. Решая практическую задачу сочетания в публичной политике влияния науки, бизнеса и бюрократии, Г. Лассуэлл определил этапы в проведении политики, в которые включил исследования политической проблемы, ее оценку и решения. На всех этапах важная роль принадлежит политическому выбору – от правильной методологии анализа, учета экспертного мнения и до выбора направления решения проблемы. Понимание политического выбора было углубленно в теории «ограниченной» рациональности Герберта Саймона. В процессе принятия политического решения он выделил выбор, как отдельный рациональный шаг (наряду с исследованием проблемы и разработкой решения), который имеет решающее значение для политики.

Дальнейшее развитие политической мысли, которое учитывало изменения в политической реальности демократического процесса принятия политических решений и реализации публичной политики, позволило сформировать рациональную модель политического выбора, которая включает этапы определения проблемы, формулировку реальных альтернатив ее решения, их рациональную оценку (наличие ресурсов, баланс расходов и выгоды и др.), выбор варианта

¹ Ліпковська-Надеїна, Н.А. (2007). *Теорія поліархії Р. Даля: концептуальні засади та практика*. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка.

политики, внедрение и оценку ее результатов. Предложенная модель «этапов» политического выбора, с ее вариациями от Г. Лассуэла и Г. Саймона к А. Вилдавски и Д. Истону подвергалась постоянной критике со стороны представителей альтернативных подходов.

В частности, среди критиков можно выделить теорию Чарльза Линдблома, известного представителя «инкрементализма». Ч. Линдблом считал, что эти модели не учитывают взаимосвязи между этапами и не отражают того, как на самом деле действует процесс осуществления политики. Выработка политики, по его мнению, это сложный интерактивный процесс без начала и конца, на который определяющим образом влияют выборы, бюрократия, политические партии, а также бизнес, неравенство и ограниченность анализа¹.

Таким образом, наличие и развитие в украинском политическом пространстве достаточно большого количества политических партий, общественных организаций, групп интересов (представляющих, генерирующих и артикулирующих интересы сообществ и лоббирующих их на государственном уровне), профсоюзных организаций, финансово – промышленных групп выступает важным фактором сохранения политического плюрализма. Однако, гетерогенность общества может выступать фактором дестабилизации политической ситуации в условиях отсутствия консенсуса внутри элитных групп относительно направления демократических преобразований.

Опыт административно-командной системы, которая существовала в советское время, продемонстрировал ее неэффективность для решения общественно важных проблем, однако показал и способность к сохранению влияния в украинском обществе. Политический выбор заключается в необходимости обеспечить механизм согласования и реализации разнонаправленных интересов политических актеров, повышении эффективности политического взаимодействия, внедрении соответствующей политики, которая находит поддержку большинства населения. Ограничения выбора делятся на внешние и внутренние. К последним относится наличие ресурсов (финансовых, материальных, информационных, властных, технологических, интеллектуальных и др.) для формирования и реализации политического решения. Внешние ограничения выбора заключаются в существующей политической и правовой системе,

---

¹ Парсонс, В. (2006). *Публічна політика: Вступ до теорії й практики аналізу політики*. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 39.

действия политических оппонентов и конкурентов, ситуация в стране (регионе).

Определение места и роли политического выбора в структуре политического решения зависит от следующих факторов:

- выбор решения зависит от выбора политического курса, установления приоритетов политического развития;
- оценка последствий и результатов альтернативных политических решений;
- учет предполагаемых элементов политического решения;
- выработка гипотез относительно неизвестных элементов и последствий решения, которые могут проявиться после его принятия.

Наличие плюрализма еще не гарантирует демократического развития, необходимо обеспечить равенство возможностей и прав представителей плюралистического общества относительно влияния на деятельность политических акторов и органов государственной власти в Украине.

В процессе реализации политического выбора необходимо учитывать, что политика – это динамическая сфера, которая развивается от одного этапа к другому, она не всегда поддается эмпирическому испытанию. Политический выбор чаще касается политических элит и бюрократии, то есть направлен «сверху -вниз» и часто не учитывает общественное мнение; общество реально может повлиять на политику во время избирательной гонки. Рассматривая проблему политического выбора именно в процессе перехода от авторитаризма к демократии, можно выделить следующие ее особенности:

- отсутствие на протяжении длительного исторического периода традиций свободного политического выбора на территории Украины (Российская империя, советский период);
- патернализм населения, надежда на государство в решении политических и экономических вопросов. Широкие общественные слои не всегда осознают собственные реальные политические интересы, отдавая право формировать повестку дня для общества представителям небольших, но хорошо организованных групп интересов, которые владеют и могут применять широкий спектр политических технологий с целью получения концентрированных выгод за счет неорганизованного и плохо информированного большинства;
- отсутствие идеологической структурированности общества, борьба не идеологий или программ политического развития, а имиджевых избирательных технологий.

Необходимым условием развития политического выбора для повышения эффективности управления в условиях демократического

перехода выступает не только оптимизация политического взаимодействия на макрополитическом уровне «Президент – правительство – Верховная Рада», но и развитие местного самоуправления, общественный контроль за деятельностью местного самоуправления.

Таким образом, успех демократических преобразований зависит не только от деятельности политических лидеров, становления институтов государственной власти и институтов гражданского общества, качества политических элит и независимых СМИ. Одним из определяющих факторов в процессе перехода к демократии является формирование и институционализация процедур политического выбора и условий его реализации

Литература:

---

1. Байме, К. (2008). *Політичні теорії сучасності*. Київ: Стилос.
2. Латигіна, Н. (2005). Шляхи та структурні фази демократизації суспільства. *Політичний менеджмент*, 2 (11), 68-77.
3. Ліпковська-Надеїна, Н. А. (2007). *Теорія поліархії Р. Даля: концептуальні засади та практика*. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка.
4. Парсонс, В. (2006). *Публічна політика: Вступ до теорії й практики аналізу політики*. Київ: Вид. дім «Киево-Могилянська академія».

Requirements to manuscripts

Become a Contributor for the Journal

EUROPEAN POLITICAL AND LAW DISCOURSE

The Journal is issued 6 times per year.

Page Limit is 10 – 30 pages.

The language of articles is English, French, German,
Czech, and Russian.

For an article in any language, the following is required in English:
an abstract (400-500 characters), a title of the article and complete data
of an author – full first and last name, academic title,
academic degree, position, and place of employment.

Footnotes are allowed, no endnotes.

Bibliography after the article is optional.
Bibliography should be arranged in accordance with the agreements
of the American Psychological Association (APA).

Illustrations to articles (graphics and images)
should be submitted in the TIFF or JPEG format
(each image in a separate file). While preparing illustrations authors should
take into account that colour printing is not available in the Journal.

The editorial board do not register and do not review for publication manu-
scripts that do not comply with the aforementioned requirements.

Address for service:

E-mail: eppd13@gmail.com

ediskurs@gmail.com

Web: eppd13.cz

Mailing Address:

Šternovská 735, Ujezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Samples of bibliography formatting in accordance with the APA (American Psychological Association) Agreements in comparison to State Standard of Russia and Ukraine 7.1:2006:

1. For reference to a book as a whole:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

For reference to page 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[Reference according to the State Standard: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. For reference to a book as a whole:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

For reference to pages 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[Reference according to the State Standard: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия *США. Канада: Экономика, политика, культура*, 7, 55–70. [Reference according to the State Standard: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Reference according to the State Standard: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Reference according to the State Standard: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science, 1*, (p. 405). London, New York. [Reference according to the State Standard: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. For referring to materials of websites, a reference includes name of the author, the title of webpage, *the title of website (in italics)*, the address of website (URL) given in symbols < >, and possibly the date of last visit to website in parentheses:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-6arl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. References to legislative acts and legal documents:

Treaties

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, November 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, 21)

For reference to an article in a Convention:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Bilateral Treaties:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975)
985 UNTS 303.

ILO Recommendations:

MOT Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

UN Documents

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Judicial Documents

ICJ Documents

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwpframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

ECHR Cases:

(before Oct. 31 1998)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A

Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(beginning November 1, 1998)

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Judgements of National Courts:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Laws and so forth

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). Офіційний вісник України, 89, 89.

Reference to an article in a Code, Law, Constitution, etc.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)

Требования к рукописям

Приглашаем к сотрудничеству в журнале

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

Журнал издается 6 раз в год.

Объем – 10 – 30 стр.

Язык статей – английский, французский, немецкий,
чешский, русский.

Для статьи на любом языке обязательны на английском языке:
аннотация объемом 400-500 символов, название статьи и полные
сведения об авторе: полные ФИО, звания, степени, должность,
место работы.

Сноски – постраничные

Список литературы в конце статьи – факультативно.

Библиографические описания источников и литературы должны быть
оформлены согласно соглашениям APA (American Psychological Association).

Иллюстрации к статьям (графика и рисунки) подаются в формате
TIFF или JPEG (каждый рисунок в отдельном файле).

При подготовке иллюстраций следует иметь в виду,
что в журнале не используется цветная печать.

Рукописи, которые не отвечают этим техническим требованиям,
редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Адреса для переписки:

E-mail: eppd13@gmail.com
ediskurs@gmail.com
Web: eppd13.cz

Почтовый адрес:

Šternovská 735, Újezd u Brna, 664 53,
okres: Brno, kraj: Jihomoravský

Образцы оформления библиографического описания источников и литературы согласно соглашениям АРА (American Psychological Association) в сравнении с ДСТУ ГОСТ 7.1:2006:

1. При ссылке на книгу целиком:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат.

При ссылке на страницу 173:

Абчук, В. А., Емельянов, Л. А., Матвейчук, Ф. А., Суздаль, В. Г. (1972). *Введение в теорию выработки решений*. Москва: Воениздат, 173.

[исходник по ГОСТу: Абчук В. А. Введение в теорию выработки решений / В. А. Абчук, Л. А. Емельянов, Ф. А. Матвейчук, и др. – М. : Воениздат, 1972. – 342 с.]

2. При ссылке на книгу целиком:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс.

При ссылке на страницы 13-15:

Алмонд, Г., Пауэлл Дж., Стром К, Далтон Р. (2002). *Сравнительная политология сегодня*. Москва: Аспект Пресс, 13–15.

[исходник по ГОСТу: Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и др.; сокр. пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной; под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.]

3. Гарбузов, В.Н., Попович, А.П. (2002). Губернатор штата: статус и полномочия *США. Канада: Экономика, политика, культура*, 7, 55–70. [Исходник по ГОСТу: Гарбузов В. Н. Губернатор штата: статус и полномочия / В. Н. Гарбузов, А. П. Попович // США. Канада : Экономика, политика, культура. – 2002. – №7. – С. 55-70.]

4. Манхейм, К. (1994). *Диагноз нашего времени*. Москва: Юрист. [Исходник по ГОСТу: Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.]

5. Nigro, F., Nigro, L. (1970). *Modern Public Administration*. New York: Harper and Row. [Исходник по ГОСТу: Nigro F. Modern Public Administration / F. Nigro, L. Nigro. – New York : Harper and Row, 1970.]

6. Rosenau, J. N. (2004). Governance. In T. J. Sinclair (Ed.), *Global Governance. Critical Concepts in Political Science, 1*, (p. 405).

London, New York. [Исходник по ГОСТу: Rosenau J. N. Governance / J. N. Rosenau // Global Governance. Critical Concepts in Political Science ; ed. by T. J. Sinclair. – London : New York, 2004. – Vol. 1. – P. 405.]

7. При оформлении ссылки на материалы web-сайтов ссылка включает имя автора страницы, название страницы, *название сайта (набирается курсивом)*, адреса сайта (URL), выделенного знаками <>, и, по возможности, даты последнего просмотра сайта автором ссылки в круглых скобках:

Монтескье Ш. Избранные произведения. О духе законов. *Электронная библиотека bookZ.ru*. <http://bookz.ru/authors/montesk_e-6arl_-lui/montes01/1-montes01.html> (2013, ноябрь, 21)

8. Ссылки на законодательные акты и правовые документы:

Договоры

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR). <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21),

Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года, вступил в силу 23 марта 1976 года) 999 Сборник договоров ООН (МПГПП). <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml> (2013, ноябрь, 21)

При ссылке на статью Конвенции:

International Covenant on Civil and Political Rights (adopted 16 December 1966, entered into force 23 March 1976) 999 UNTS 171 (ICCPR) art 2. <<https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/volume-999-I-14668-English.pdf>> (2013, ноябрь, 21)

Резолюція 2061 (ухвалена 25 липня 2012 року) РБ ООН. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_k87> (2013, ноябрь, 21)

Двусторонние договоры:

Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про співробітництво в галузі авіаційного пошуку і рятування (Угоду затверджено Постановою КМ № 1094 від 28.11.2012) (прийнята 28 листопада 2012 року, набрала чинності для України 18 лютого 2013 року). *Офіційний вісник України*, 29, 130.

Agreement Concerning the Sojourn of Refugees within the Meaning of the Convention Relating to the Status of Refugees (Geneva Convention of 28 July 1951 and Protocol Relating to the Status of Refugees of 31 January 1967)

(France – Austria) (adopted 21 October 1974, entered into force 24 July 1975) 985 UNTS 303.

Рекомендации МОТ:

МОТ Рекомендация № 195 (О развитии людских ресурсов: образование, подготовка кадров и непрерывное обучение) (92 сессия Генеральной конференции МОТ, 17 июня 2004 года). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/993_532> (2013, ноябрь, 21).

Документы ООН

Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, ГА ООН Резолюция 1514 (XV) (14 декабря 1960 года)

UNGA Res 51/210 (17 December 1996) UN Doc A/RES/51/210. <<http://www.un.org/documents/ga/res/51/a51r210.htm>> (2013, ноябрь, 21)

Документы судов

Документы Международного суда

Land, Island and Maritime Frontier Case (El Salvador/Honduras, Nicaragua intervening) (Application for Intervention) [1990] ICJ Rep 92 <<http://www.icj-cij.org/docket/index.php?sum=390&code=sh&p1=3&p2=3&case=75&k=0e&p3=5>> (21 July 2013).

Legal Consequences of the Construction of a Wall (Advisory Opinion) 2004 <<http://www.icj-cij.org/icjwww/idocket/imwp/imwframe.htm>> (21 July 2013).

Case Concerning the Vienna Convention on Consular Relations (Germany v USA) (Request for the Indication of Provisional Measures: Order) General List No 104 [1999] ICJ 1.

Дела ЕСПЧ:

(до 31 октября 1998 года)

Delta v. France (Article 50), 30 January 1990, § 38, Series A no. 191-A
Allenet de Ribemont v. France (interpretation), 7 August 1996, § 17, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-III

Garnieri v. Italy, no. 22256/88, Commission decision of 18 May 1992, unreported

(с 1 ноября 1998 года)

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland, no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по вопросу приемлемости жалобы для рассмотрения по существу [Judgment on the merits delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland [GC], no. 45678/98, § 24, ECHR 1999-II

Решение Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.), no. 45678/98, ECHR 1999-II

Решение Большой Палаты ЕСПЧ о признании жалобы приемлемой [Decision on admissibility delivered by the Grand Chamber]

Campbell v. Ireland (dec.) [GC], no. 45678/98, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по предварительному возражению [Judgment on preliminary objections delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (preliminary objections), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Постановление Палаты ЕСПЧ по вопросу о выплате справедливой компенсации [Judgment on just satisfaction delivered by a Chamber]

Campbell v. Ireland (just satisfaction), no. 45678/98, § 15, ECHR 1999-II

Судебные решения отдельных стран:

Дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда (постановление), № 16-П, КС РФ 2013. <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148711/> (21, July, 2013).

Справа за конституційним поданням Верховного Суду України щодо відповідності Конституції України (конституційності) статей 103, 109, 131, 132, 135, 136, 137, підпункту 1 пункту 2 розділу XII «Прикінцеві положення», абзацу четвертого пункту 3, абзацу четвертого пункту 5 розділу XIII «Перехідні положення» Закону України «Про судоустрій і статус суддів», № 1-1/2013, КСУ 2013.

Законы и т.п.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний вісник України, 19, 194.

Закон про виконавче провадження 1999 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/606-14>> (2013, ноябрь, 21).

Цивільний кодекс 2003 (Верховна Рада України). Офіційний сайт Верховної Ради України. <<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21).

Розпорядження про схвалення Концепції сприяння органами виконавчої влади розвитку громадянського суспільства 2007 (Кабінет Міністрів України). *Офіційний вісник України*, 89, 89.

Ссылка на статью кодекса, закона, конституции и т.п.

Цивільний кодекс, ст. 56, гл. 6 (2003) (Верховна Рада України). *Офіційний сайт Верховної Ради України*. < <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15/page5>> (2013, ноябрь, 21)

